

ВЫСШАЯ ПАРТИЙНАЯ ШКОЛА при ЦК ВКП(б)

Е. Н. ГОРОДЕЦКИЙ

64-65

XV

ИСТОРИЯ СССР

(1907 — 1912 гг.)

Лекции, прочитанные
в Высшей Партийной Школе
при ЦК ВКП(б)

МОСКВА

1946

ВЫСШАЯ ПАРТИЙНАЯ ШКОЛА при ЦК ВКП(б)

Е. Н. ГОРОДЕЦКИЙ

Лекции 64 — 65

ИСТОРИЯ СССР

(1907 — 1912 гг.)

Лекции, прочитанные
в Высшей Партийной Школе
при ЦК ВКП(б)

СТОЛЫПИНСКАЯ РЕАКЦИЯ

Третьеиюньский переворот

Рано утром 3 июня 1907 г. депутаты второй Государственной Думы, подойдя к Таврическому дворцу, увидели на воротах дворца указ о роспуске Думы и о назначении новых выборов. Нельзя сказать, чтобы это было неожиданностью. Проект нового избирательного закона ходил по рукам еще за месяц до третьеиюньского переворота и открыто обсуждался в кулуарах Думы. Неожиданностью события 3 июня, пожалуй, были только для председателя Думы — Головина.

Утром 3 июня к Головину пришел корреспондент одной из газет. Корреспондент спросил, каково мнение председателя о роспуске Думы.

— О каком роспуске Думы вы спрашиваете? — удивился Головин.

Председатель Думы последним узнал о третьеиюньском перевороте.

Роспуск второй Государственной Думы и новый избирательный закон были связаны с именем Столыпина. Не случайно весь этот исторический этап получил название столыпинской реакции. В Столыпине как бы сконцентрировались наиболее характерные черты реакции 1907—1911 гг. Биография Столыпина, говорит Ленин, это биография господствующего класса.

Столыпин — помещик Западного края, наиболее развитого в капиталистическом отношении. Столыпин прекрасно понимал необходимость приспособления старого, крепостнического строя к новым, буржуазным отношениям. Мировоззрение Столыпина формировалось в 80-е годы. Примером для него был Победоносцев — идеолог реакции. Девизом Победоносцева было «тащить и не пущать», подавлять всякую живую мысль. У Столыпина, кроме этих «достоинств», было еще одно качество — понимание необходимости ломки старых отношений для сохранения господства крепостников-помещиков.

К концу 80-х годов Столыпин был чиновником министерства внутренних дел. Он прошел школу бюрократического аппарата. В 1902 г. способного чиновника назначают гродненским губерна-

тором, а в 1903 г. Столыпин находился уже на посту саратовского губернатора. Это была особая честь для Столыпина. Саратовская губерния являлась районом наиболее развитого крестьянского движения. Здесь Столыпин, как он сам выражался, «стоял на боевом посту».

Столыпин многому научился у польских помещиков. Корректность и внешняя вежливость, холодность и расчетливость, жестокость и презрение к людям, стоявшим ниже его, — все эти качества польского аристократа впитал в себя русский дворянин — Столыпин.

На посту саратовского губернатора Столыпин проявил себя как типичный администратор школы Плеве. Он выполнял волю министра полиции и подражал ему. Плеве сумел расставить своих агентов таким образом, что охранник Азеф направлял террористическую деятельность эсеровской партии, охранник Зубатов пытался овладеть рабочим движением, либерал Шипов использовался для проведения земской зубатовщины. Столыпин усвоил эти методы.

В Саратовской губернии Столыпин прославился кровавым подавлением крестьянского движения. Особенно жестоко расправлялся Столыпин с активистами-крестьянами и сельской интеллигенцией. Активисты-крестьяне, врачи, учителя, земские агрономы, статистики были самыми лютыми врагами Столыпина. Они, по мнению Столыпина, являлись виновниками революционного движения в деревне, они восстанавливали против самодержавия крестьянство.

В апреле 1906 г. Столыпин был назначен министром внутренних дел. Уже с этого времени Столыпин фактически является руководителем правительства.

После разгона первой Думы, когда правительство, испуганное крестьянскими волнениями, ежеминутно ждало всеобщего восстания, не было более подходящего кандидата на пост председателя Совета министров, чем Столыпин. В июле 1906 г. Столыпин назначается председателем Совета министров.

Столыпин свою политику считал военной политикой. И, действительно, он беспрерывно вел борьбу с народом. Столыпинщина — это политика войны с народными массами. Черносотенная газета «Новое время» писала о Столыпине: «как носивший военный мундир Бисмарк исполнял штатское дело, так и носивший штатское платье Столыпин исполнял военное дело. Он был в непрерывном бою со времени вызова своего из Саратовской губернии». Эта воинствующая реакционность и поставила Столыпина во главе правящей клики в России после поражения революции 1905 года.

Еще в период второй Думы Столыпин с думской трибуны бросил наглый вызов революции. В день открытия этой Думы произошло странное происшествие — в зале заседания обвалился потолок. Было ли это случайное совпадение или намеренно под-

готовленный акт, но потолок обвалился как раз над левыми скамьями. Очередное заседание Думы пришлось перенести в зал дворянского собрания. Депутаты были возбуждены. В этот день Столыпин выступил с декларацией правительства.

Столыпин держался на трибуне Думы с таким видом, как будто бы он и уважает «российский парламент» и вместе с тем глубоко презирает депутатов, место которых не в парламентских креслах, а где-нибудь в тюрьме или на каторге. В ответ на провокационное выступление председателя Совета министров начались резкие выступления левых депутатов. Тогда Столыпин и бросил свои слова, обращенные к левым депутатам: «Не запугаете!». Это был момент еще незакончившейся революции, и понятно, какими восторженными криками встретила реакция заявление своего лидера.

Столыпин стал собирать все силы реакции. Он вспомнил и о бывшем народовольце Льве Тихомирове. Реакционная деятельность Тихомирова в «Московских ведомостях» позволяла думать, что ренегат может пригодиться новому диктатору. Столыпин вызвал Тихомирова в Петербург и назначил его членом Совета по делам печати. В своем дневнике Тихомиров передает любопытные подробности беседы со Столыпиным.

«Нация разделена, согласить добровольно эти фракции нельзя, — говорил Тихомиров. — Нужно, чтобы явился «капрал», вождь поднял знамя властно, а на знамени должен быть национальный вывод пережитого». «Равнодействующая линия, — вставил Столыпин. — И по этой линии должен пойти вождь: без этого не совершаются великие переломы. За ним пойдет большинство, скажет: слава богу, наконец. А несогласные — одни увлекутся потоком, другие падут духом и подчинятся».

В этой беседе Тихомирова и Столыпина ярко выражен план реакции. Опыт революции 1905 года показал, что нацию, «разделенную на фракции», «добровольно согласить» не удастся. Наиболее дальновидные реакционеры хотят пойти по «равнодействующей», т. е. по бонапартистской линии маневрирования между классами в интересах укрепления господства крепостников-помещиков. Но для этого нужен был «великий перелом», оставлять все по-старому было уже невозможно. Реакция предполагала, что новая аграрная политика даст возможность самодержавию завоевать большинство народа. Остальные или «увлекутся потоком» или «падут духом и подчинятся». Реакционеры считали, что если не найдется сильный человек, способный подавить революцию, то гибель самодержавия неизбежна. Когда этот человек был найден, реакционная печать с облегчением вздохнула. Крепостники понимали, что Столыпин — это последняя ставка самодержавия.

Известный реакционер Шульгин в газете «Киевлянин» писал: «Можно потушить фонарь Диогена, — Россия нашла своего человека, этот человек Столыпин, он призван спасти Россию».

Третьеиюньский переворот был торжеством столыпинской политики. В манифесте 3 июня заявлялось: «Созданная для укрепления государства Российского Государственная Дума должна быть русской по духу. Иные народности, входящие в состав державы, должны иметь в Государственной Думе представительство нужд своих, но они не должны и не будут являться в числе дающих им возможность быть вершителями вопросов чисто русских. В тех же окраинах государства, где население не достигло достаточного гражданского развития, выборы в Государственную Думу должны быть временно приостановлены».

В манифесте, таким образом, открыто провозглашалась шовинистическая политика. Самодержавие все еще продолжало ссылаться на манифест 17 октября. В акте 3 июня царь уверял, что манифест 17 октября остается в силе, что изменяется только порядок выборов. В действительности же от этого манифеста ничего уже не осталось.

Число депутатов Думы уменьшилось — с 524 депутатов до 442. Резко сократилось количество представителей от национальных окраин. Районы Польши вместо 37 депутатов во второй Думе должны были избрать в третью Думу только 14 депутатов. Кавказ вместо 29 депутатов должен был послать 10, Средняя Азия совсем лишилась права выборов депутатов, тогда как во второй Думе районы Средней Азии имели 21 депутата. Изменился и самый принцип организации выборов. По третьеиюньскому закону устанавливались 4 избирательные курии (землевладельческая, городская, крестьянская и рабочая). По землевладельческой курии число выборщиков было доведено до половины всех выборщиков по губернии. Городская курия была разделена на два разряда с тем, чтобы дать преобладающее количество голосов крупной городской буржуазии. Мелкая буржуазия была выделена в особый разряд. Резко сокращалось количество выборщиков по крестьянской курии. Наконец, была установлена обязательность избрания депутатов по следующим куриям: в 49 губерниях по курии землевладельцев, в 26 — по городской курии от каждого разряда, в 6 — от рабочей курии и в 53 — от крестьянской курии.

Из следующих данных видно, что изменил в системе выборов закон 3 июня по сравнению с законом 11 декабря 1905 года:

Число выборщиков в губернских избирательных собраниях 50 губерний Европейской России

Курии	Количество выборщиков	
	По закону 11/XII 1905 г.	По закону 3/VI 1907 г.
1. Землевладельческая . .	1 959 (32%)	2 612 (51%)
2. Городская	1 330 (22%)	688 } (24%) 564 }
а) I разряд		
б) II разряд		
3. Крестьянская	2 502 (42%)	1 132 (22%)
4. Рабочая	208 (3 %)	112 (2 %)

Новый закон резко уменьшил число выборщиков от рабочих и крестьян и в то же время увеличил число выборщиков от помещиков. Курия землевладельцев, имевшая всего 36 тыс. избирателей (0,2 проц. всех избирателей), выделяла 51 проц. всех выборщиков. Крестьянская курия, составлявшая 90 проц. всех избирателей, выделяла только 22 проц. выборщиков. Новый закон обеспечил помещикам и буржуазии 75 проц. всех выборщиков. Так третьенюньский закон заложил основы для блока между помещиками и верхами торгово-промышленной буржуазии.

В первой стадии выборов при избрании уполномоченных правительство запрещало организацию предвыборных собраний. Избирательные участки нарочито составлялись таким образом, что крупнейшие заводы и даже целые городские рабочие районы вводились за пределы города. Широко применялась система «разъяснений». Если с точки зрения правительства неправильно были проведены выборы (а это было всегда, когда уполномоченными или выборщиками избирались представители левых организаций), то такие выборы «разъясняли», т. е., ссылаясь на какую-нибудь формальность, отменяли. Немало было случаев фальсификации списков избирателей. Если и это не помогало, то выборы отменяли, ссылаясь на «неправильное составление списков». Часто выборы назначались на 10 часов утра, а проводились на два часа раньше. Это делалось для того, чтобы провести выборы с людьми, заранее приглашенными. В тех случаях, когда была опасность избрания левых выборщиков, органы власти шли на всякие ухищрения. В Саратовской губернии на выборное собрание был послан урядник. Когда в выборщики прошел трудовик, то выборы «разъяснили», ссылаясь на то, что на собрании незаконно присутствовал представитель власти.

Особенно часто фальсифицировали выборы по крестьянской курии. Иногда выборы проводились так: объединяли две деревни. Одна из них имела более двух тысяч, другая — менее трехсот избирателей. Выборы назначались в таких случаях в небольшой деревне, куда за много верст должны были явиться тысячи избирателей.

Так проходили выборы в третью Государственную Думу.

Уже к моменту опубликования нового избирательного закона наступление реакции развернулось широким фронтом. По всей стране свирепствовал террор против революционных и рабочих организаций. Только в 1907 г. были подвергнуты репрессиям более 11 000 человек. Закрывались профессиональные союзы, органы рабочей печати, кооперативные и другие организации. В 1906 г. было закрыто 53 профсоюза, отказано в регистрации 104; в 1907 г. эта политика достигает кульминационного пункта: 159 профсоюзов было закрыто и 169 — отказано в регистрации.

Столыпин разработал целую систему «военных», чрезвычайных и «особых» или, как их называли, «исключительных» положений. Все эти положения давали губернаторам полномочия

военного времени. На местах губернаторы были неограниченными властителями. Толмачев — в Одессе, Думбадзе — в Ялте, и другие, подобные им, являлись настоящими сатрапами, палачами, достойными подмастерьями Столыпина-вешателя.

В одном из своих выступлений в Думе, отвечая на реплику депутата, назвавшего его кровавым палачом, Столыпин, обращаясь к правому большинству, заявил: «Вы, конечно, сумеете распознать кровь, о которой здесь так много говорилось, кровь на руках палачей от крови на руках добросовестных врачей, применяющих самые чрезвычайные меры с одним только упованием, с одной надеждой, с одной верой — исцелить трудно больного». Так Столыпин «лечил» Россию кровопусканием и, физически уничтожая лучших сынов народа, объявлял себя добросовестным врачом.

Кровавый террор и репрессии были направлены прежде всего против революционной партии большевиков. Лучшие люди большевистской партии томчились в тюрьмах, в ссылке, на каторге. Сталин, Свердлов, Дзержинский, Киров и другие руководители большевистских организаций в годы столыпинской реакции были подвергнуты тягчайшим репрессиям.

Ярким документом, характеризующим обстановку периода реакции, является тюремный дневник Ф. Э. Дзержинского. Записи в дневнике рисуют тяжесть обстановки реакции. Лязг кандалов в коридоре смертников, шпионаж и провокации, широко применяемые в тюрьме, издевательства над заключенными — все это нашло свое отражение в дневнике Дзержинского.

Реакция не сломала воли Дзержинского. 31 декабря 1908 г. Дзержинский записал в дневнике: «В тюрьме я созрел в муках одиночества, в муках тоски по миру и по жизни. И, несмотря на это, в душе никогда не зарождалось сомнение в деле. И теперь, когда, быть может, на долгие годы все надежды похоронены в потоках крови, когда они распяты на виселичных столбах, когда много тысяч борцов за свободу томится в темницах или брошено в снежные тундры Сибири, — я горжусь.

Я вижу огромные массы, уже приведенные в движение, расшатывающие старый строй, массы, в среде которых подготавливаются новые ряды для новой борьбы.

Я горд тем, что я с ними... Здесь, в тюрьме, часто бывает тяжело, по временам даже страшно... И тем не менее, если бы мне предстояло начать жизнь сызнова, я начал бы — как начал. И не по долгу, не по обязанности. Это для меня — органическая необходимость». Дзержинский — стальной человек, подлинный рыцарь революции — был политическим деятелем нового типа, большевиком, которого не могла сломить столыпинская реакция. К Дзержинскому был приставлен особый караул: за солдатами присматривали жандармы, каждые 4 дня менялся состав караульных. И все же Дзержинскому удалось распропагандировать солдат и жандармов: они переносили странички из дневника Дзержинского на волю. Дневник печатался в 1909 г. в подпольной, нелегальной

печати. Все это говорит о силе человека, который был брошен в тюрьму, закован в кандалы и словом большевистской правды отвоевывал у реакции солдат.

Применяя широко репрессии, истребляя революционеров, реакция пыталась в то же время посеять сумятицу, разброд в революционных рядах, в общественных настроениях.

Наступление контрреволюции на идеологическом фронте

Наступление реакции сопровождалось разложением в рядах буржуазной и мелкобуржуазной интеллигенции.

Процесс распада и разложения особенно охватил партию эсеров. Из партии эсеров выделяются два крыла, две самостоятельные организации: правое крыло — народные социалисты во главе с Пешехоновым, которые ничем по сути не отличаются от кадетов, и левое — максималисты, которые перерождаются в банду беспринципных экспроприаторов.

Наиболее рельефно обнаруживается разложение партии эсеров в так называемой азефовщине. Азеф — член ЦК партии эсеров, руководитель боевой организации, вступил на путь провокации еще в 90-х годах. Но его «деятельность» достигает расцвета именно в годы реакции. Азеф вел двойную игру. По поручению ЦК партии эсеров, Азеф организовал убийство министра внутренних дел Плеве и великого князя Сергея Александровича. По требованию охраны, он выдает видных эсеров Сазонова, Гершуни, раскрывает ряд эсеровских организаций, предает почти всю боевую организацию эсеров. Таким образом, Азеф «честно» совмещал деятельность провокатора и террориста. В этом сказалось разложение не только партии эсеров, которая воспитала и выдвинула Азефа, но и разложение аппарата самодержавия.

Центральный комитет партии эсеров всячески защищал Азефа. Когда все доказательства провокаторской деятельности Азефа были налицо, ЦК партии эсеров оттягивал партийный суд над Азефом и дал возможность провокатору бежать. Один из видных эсеров впоследствии заявил, что «каждый член партии эсеров — потенциальный провокатор».

Известный эсеровский террорист Савинков написал в эти годы две книги: «Конь бледный» и «То, чего не было». В этих книгах Савинков ренегатски оплевывает революцию, издевается над революционерами. Книги Савинкова являются яркими документами, свидетельствующими о глубине распада и разложения в эсеровской партии.

Разложение было и среди меньшевиков. У них оно выразилось в ликвидаторстве. Меньшевики отступали в панике и предавали революцию. Они заявляли, что революция окончательно проиграна, что нового революционного подъема не будет. Они отрекались от революционных лозунгов партии и требовали ликвидации нелегальной революционной партии пролетариата. Поэтому такого рода меньшевиков называли ликвидаторами. Ценой отказа

от программы и тактики партии меньшевики хотели получить от самодержавия право на существование легальной, якобы «рабочей» партии. Меньшевики готовы были примириться со столыпинским режимом, приспособиться к нему. Ликвидаторы вполне заслужили название «стольпинской рабочей партии». Лидер меньшевиков Дан откровенно заявлял: «Не надо переть туда, где были однажды разбиты».

Ренегатствующая буржуазная интеллигенция занялась оплевыванием революции. Она пыталась оторвать массы от революционной борьбы.

Наиболее ярким проявлением этого ренегатства буржуазной интеллигенции, своеобразной энциклопедией ренегатства был сборник «Вехи», выпущенный в 1909 г. представителями кадетской интеллигенции. Большинство авторов этого сборника принадлежало к бывшим легальным марксистам (Бердяев, Булгаков, Струве, Изгоев, Кистяковский и другие). В сборнике авторы поставили перед собой задачу доказать, что революция — это дело рук анархистствующей интеллигенции, которая повела за собой «чернь». Веховцы призывали отречься от «вредного материализма», от безгосударственности и безрелигиозности. Они открыто пели хвалебные песни Столыпину. Они призывали «благословлять эту власть, которая одна со своими штыками и тюрьмами еще ограждает нас от ярости народной». Струве в своей статье, помещенной в сборнике «Вехи», заявлял, что буржуазия в своем эгоизме и самоутверждении является «бессознательным орудием божьего дела на земле». В сборнике проповедывались империалистические стремления русской буржуазии. Об этой энциклопедии ренегатства можно было бы сказать словами Фауста:

«Здесь ни вещицы нет малейшей,
Не наносившей миру вред.
Здесь кубка нет, в котором не бывал
Какой-нибудь напиток ядовитый,
И каждый здесь кинжал
Противника изменой убивал».

В сборнике «Вехи» кадеты сравнивали русский народ с гоголевским Поприщиным, вообразившим себя испанским королем. Революционная программа, с точки зрения кадетов, это — мыльный пузырь. «Вихрь покрутился, и все осталось по-старому», — кривляясь, успокаивали себя кадеты.

Струве даже разработал свою ренегатскую «философию истории». Он построил целую схему исторического развития России. «Смутное время» начала XVII в., по мнению Струве, — «великая эпоха», но не потому, что в это время активно действуют народные массы. Нет, эти народные массы, по мнению Струве, не способны на какое-нибудь положительное историческое действие. Великой эта эпоха является потому, что во главе движения стали консервативные общественные силы. Бунт низов ничего, кроме вреда, не дал русской истории. «Разинщина» и «пугачевщина», за-

являл Струве, погубили бы русскую государственность, если бы в борьбу не вмешались «верхи общества».

Таким образом, всякое движение, направленное против крепостничества, всякое проявление освободительного движения объявлялось вредным, антиисторическим.

Если в XVII в. элементом распада, писал Струве, являлось казачество, то в XIX—XX вв. таким элементом является интеллигенция. Интеллигенция — это такая общественная группа, которая враждебно противостоит всякому государству. Это якобы является самым характерным признаком революционной интеллигенции. Отсюда Струве делал вывод о необходимости уничтожения революционной интеллигенции. Ренегат услужливо подводил «теоретическую» основу под кровавую реакционную политику Столыпина. «Вехи» хороши тем, — писал Ленин, — что вскрывают весь дух действительной политики русских либералов и русских кадетов, в том числе»¹.

Московское восстание 1905 г. и восстания в армии 1906 г. — все это объявлялось жалким и бессмысленным и оплеывалось ренегатствующей интеллигенцией. Ошибка не в том, глубокомысленно заявляли ренегаты, как делали революцию, ошибка в том, что ее вообще делали. Авторы сборника «Вехи» поступали с революционной интеллигенцией по рецепту героя Лескова, который рекомендовал: «рассмотрев сию кимфозорию в самый сильный мелкоскоп, немедленно о ней в публикейских ведомостях такой клеветон написать, чтобы во все страны фимиазм пошел».

И, действительно, от веховцев пошел очень резкий «фимиазм». Вывод, который следовал из сборника ренегатствующей интеллигенции, — назад к Александру III, назад к самым черным, реакционным страницам русской истории. Справедливо это направление было названо «назадняцким».

В своей статье «В ночь после битвы» Воровский писал: «Ночь после битвы принадлежит мародерам. Вчера еще они прятались от опасности боя по рвам и оврагам, многие еще вчера состояли — а больше числились — в рядах побежденной теперь армии, но темнота ночи сделала их храбрыми и они спешат обогреть... тех, кому вчера до хрипоты кричали «ура». Роль таких мародеров сыграла в русской революции так называемая интеллигенция, т. е. средняя и мелкая буржуазия свободных профессий, либеральная и радикальная, кадетская и беспартийная, политическая и беллетристическая...».

Столыпинская реакция нашла свое отражение и в литературе.

Мережковский написал роман об Александре I, в котором пытался оскорбить декабристов и уничтожить память о них, изображая их как ничтожную кучку мечтателей-интеллигентов, ни на что не способных и ничего не принесших русскому обществу. Великие русские демократы — Чернышевский, Добролюбов, Не-

¹ Ленин. Соч., т. XIV, стр. 223.

красов — также оплевывались веховцами; Чернышевскому и Добролюбову веховцы противопоставляли Достоевского, его наиболее реакционные литературные произведения, в которых якобы отразилась правда «русской души».

В буржуазной литературе был создан культ провокаторства. На все лады воспевался Иуда Искариот. «Тысячи лет, — писал Горький, — люди полагали, что Иуда — человек, вовсе не заслуживающий ни подражания, ни похвал. Так думали Данте, Мильтон, Камюэнс, Гете, Гюго, Толстой, дерзкий Вольтер, Кардуччи и сотни других великих людей, коими гордится мир, но родился в России храбрый нигилист, и оказалось, что величайшие мыслители мира... ошиблись в оценке Иуды».

В рассказе Андреева «Тьма» «революционер» перед совершением важного поручения приходит в публичный дом и раскрывает проститутке свой замысел. Он говорит, что должен пострадать во имя идеи. А женщина ему отвечает: «Какое право ты имеешь быть хорошим, идейным, когда я плохая?». И «революционер» с этим неотразимым доводом соглашается. Этот «революционер» поднимает тост в публичном доме: «Выпьем за то, девицы, чтобы все огни погасли. Пей, темнота... Если нашими фонариками не можем осветить всю тьму, так погасим же огни и все полезем во тьму». Этот тост вместе с героем Андреева поднимала вся ренегатствующая интеллигенция. По Андрееву, жизнь — это длинный серый коридор, коридор без всякого выхода, без просвета, без воздуха. Ни одного резкого поворота, ни одной двери наружу. И в этом коридоре должно обретаться человечество, пишет Андреев. Для Андреева жизнь — это ненормальное проявление человеческих функций, смерть — вполне нормальный выход из существующих противоречий.

Этот яд буржуазной литературы времен реакции действовал довольно сильно. Реакционеры в литературе стремились уничтожить не только волю к революции и сопротивлению, но и волю к жизни. Об этом говорит статистика самоубийств. В Петербурге, по статистике Городской Думы, в 1904 г. ежемесячно было 35 самоубийств, в 1905 г. (в годы революции число самоубийств падает) — 29, а в годы реакции: в 1908 г. ежемесячно — 121 самоубийство, в 1909 г. — 199. 75 проц. всех самоубийств падает на молодежь. В этой волне самоубийств, несомненно, сказалось и влияние реакционных идей, проповедуемых в литературе.

Отречение от революции, оплевывание великих дней 1905 г. совмещались в реакционной литературе с воспеванием разнузданной аморальности. Сологуб, талантливый писатель-символист, провозгласил половой разврат средством «внутреннего освобождения» человека.

Наиболее ярко проявился литературный распад в романе Арцыбашева «Санин». Арцыбашев в годы революции пытался примкнуть к революционному движению. В годы реакции писатель провозгласил «новые» общественные принципы. Его герой Санин

заявляет: «Моя жизнь — это мои ощущения приятного и неприятного, а что за пределами этих ощущений — чорт с ним!». Вместо альтруизма Санин выдвигает принцип «естественного» эгоизма; вместо социализма провозглашает индивидуализм; вместо сознания долга — сексуальность и половой разврат.

Этот мутный поток романов Арцыбашева, Сологуба, Вербицкой почти сливался с порнографической литературой и буквально захлестнул книжный рынок.

По анкете, которая проводилась в ряде библиотек Одессы, Пскова, Смоленска и других городов, видно, что читали в эти годы не Толстого, Чехова и Горького, а Вербицкую, Арцыбашева, Сологуба, Андреева. Издавалась так называемая пинкертоновская литература, которая расходилась ежегодно в количестве 7 млн. экземпляров. Этот яд отравлял сознание рабочей молодежи.

Видные буржуазные литературные критики (Шестов, Розанов и др.) восхваляли аморализм, эгоизм, ложь, жестокость, право сильного. Шестов ухитрился даже перефразировать Пушкина и провозгласить лозунг: «Да скроется солнце, да здравствует тьма!».

Если для гуманиста Горького слово «человек» звучит гордо, то в литературе эпохи реакции лозунгом стали слова Арцыбашева — «человек от природы подлец».

Ярко обозначились две линии по отношению к общественному распаду. Линия революции сказывалась в простых, бесхитростных словах рабочих. Рабочие говорили: погодите, придет еще 1905 год. Это была вера в то, что торжество реакции временное. И другая линия — линия ренегатствующей интеллигенции, для которой пятый год был «сумасшедшим годом», образцом того, чего не нужно делать, образцом отрицательным.

Реакция оружием упадочнической буржуазной литературы, поведением отступничества в искусстве и философии пыталась вытравить из сознания масс традиции великой революционной эпохи. Это не было оригинальной тактикой русской контрреволюции. В письме к Кугельману от 3 марта 1869 г. Маркс замечает, что реакции в Германии удалось почти вытравить из народного сознания воспоминания и традиции революционной эпохи 1848 г. Ленин подчеркивает это замечание Маркса, как «в высшей степени характерное». «Задача реакции, — пишет Ленин, — вытравить эти традиции, представить революцию, как «стихию безумия»... Задача реакции — заставить население забыть те формы борьбы, формы организации, те идеи, те лозунги, которые в таком богатстве и разнообразии рождала революционная эпоха»¹.

Разложение охватило и ряды попутчиков революции. В момент подъема революции эти попутчики вступили в ряды большевиков, а когда наступила реакция, предались унынию, песси-

¹ Ленин. Соч., т. XII, стр. 33.

мизму и пытались разложить пролетарскую партию своими реакционными теориями.

Усилились попытки «критики» и ревизии философии марксизма. Часть партийной интеллигенции, и раньше занимавшая неустойчивые позиции в области теории марксизма, выступила с «критикой» философских основ марксизма. Опасность этой критики заключалась в том, что она велась не открыто и честно, а завуалированно, под флагом «защиты» марксизма. Тонкая фальсификация марксизма, попытка подделать под марксизм идеалистическую философию Маха и Авенариуса — вот чем занимались такие ревизионисты, как Богданов, Базаров, Луначарский и другие.

Чтобы укрепить партийные ряды, необходимо было до конца разоблачить перерожденцев и ревизионистов, отстаять теоретические основы марксистской партии. Эту задачу взял на себя Ленин.

В 1908 г. В. И. Ленин написал книгу «Материализм и эмпириокритицизм». В этом гениальном философском труде Ленин разоблачил русских махистов и их учителей, защитил теоретические основы марксизма. Ленин дал в своей работе материалистическое обобщение «...всего важного и существенного из того, что приобретено наукой и, прежде всего, естествознанием за целый исторический период, за период от смерти Энгельса до появления в свет книги Ленина «Материализм и эмпириокритицизм»¹.

Ренегатству буржуазной интеллигенции, подлой деятельности контрреволюционных либералов была противопоставлена работа большевиков по тщательному и всестороннему изучению опыта революционной борьбы, по укреплению революционных традиций в народе, по разоблачению ренегатов в политике, науке, литературе.

Мутному потоку ренегатствующей литературы противостояла подлинная национальная русская культура, которую олицетворял А. М. Горький.

В эти годы Горький создает замечательную пьесу «Враги». Об этой пьесе Плеханов с горечью говорил: «Зачем Горький пишет большевистские пьесы?». Горький показал во «Врагах» глубокую противоположность, антагонизм двух враждующих классов — рабочего класса и буржуазии. В эти же годы Горький пишет «Городок Окуров», в котором он показывает затхлый быт уездной России. В «Жизни ненужного человека» Горький разоблачает охранку, систему провокаций, шпионажа. Все эти замечательные произведения А. М. Горького противостоят ренегатствующей литературе, как образец пролетарской гуманистической литературы.

В период реакции всякая свежая мысль, всякая попытка организации просветительного учреждения подавлялись самодержавием. Особенно любопытна история университета Шанявского. Шанявский — деятель общественного движения 70—80-х годов. В начале XX в. Шанявский пытался организовать «вольный университет». При жизни ему это не удалось. Шанявский завещал

¹ История ВКП(б). Краткий курс, стр. 98.

свое состояние на организацию «вольного университета». Но, зная нравы чиновников министерства просвещения, он огорчил крайний срок создания такого университета. Министр просвещения Шварц, получив завещание Шанявского, разработал свой проект создания университета, который был внесен в третью Думу. В этом проекте искажалась самая идея о создании «вольного университета». Шанявский предполагал создать университет, независимый от министерства просвещения, а министр просвещения в своем проекте устанавливал, что ректор университета и все преподаватели утверждаются министром. По проекту министра запрещалось чтение курсов на различных языках, что предусматривал Шанявский. Шварц заявил в Думе, что если будет внесена хоть одна поправка в его законопроект, то он берет его обратно. Между тем подходил срок, который был назначен автором завещания для организации университета. Исполнители воли Шанявского — несколько либеральных профессоров Московского и Петербургского университетов — решили согласиться на позорные условия, выдвинутые Шварцем. Большевик Полетаев с думской трибуны заявил: «Министр просто стремился лишить Москву народного университета. Нет слов для того, чтобы заклеить это гнусное преступление против русского народа».

Университет, изуродованный проектом Шварца, открылся едва ли не в последний день срока, назначенного Шанявским. Реакция всячески пыталась сорвать создание нового просветительного учреждения, и только борьба народных масс против реакционной политики вырвала, как уступку самодержавия, создание университета Шанявского.

Аграрный бонапартизм

Третья Государственная Дума открылась 1 ноября 1907 г. В отличие от первой и второй Думы третья Дума была прочной, устойчивой. Первая Дума существовала только 72 дня, вторая — 103 дня, а третья — все положенные ей пять лет.

В полемике с эсерами Ленин указывал, что третья Дума — это не картонный меч самодержавия, а подлинный орган власти, что третья Дума отражает реальное соотношение классовых сил в стране. Громогласно и грубо выражали свое торжество третьеиюньские зубы. В день открытия Думы Таврический дворец напоминал мелкоуездное дворянское собрание. Трибуна Думы превратилась в эстраду; с которой выступали реакционных дел мастера, как Марков 2-й, Пуришкевич, граф Бобринский и др. Имея в виду возможные «конфликты», провоцируемые этими молодчиками, инструкция думским депутатам предусмотрительно рекомендовала «твердые предметы оставлять в прихожей».

Депутаты третьей Думы резко отличались от депутатов первой и второй Думы. У одного из октябристских депутатов произошло недоразумение с городовым у Таврического дворца. Октябрист гордо заявил городовому: «Я депутат», на что городской по-

старинке ответил: «Много вас депутатов». Городовому объяснили, что время наступило другое. Третья Дума, в отличие от первой и второй, — «настоящая», верноподданная Дума и делегаты в ней «настоящие».

По своему партийному составу Дума состояла из следующих политических групп:

кадетов — 46 депутатов	»	}	левый кадетский центр
близких к кадетам — 55	»		
октябристов — 92	»	}	правый октябристский центр
близких к октябристам — 21	»		
правых — 171	»	}	правая группа
социал-демократов — 18	»		
трудовиков — 13	»	}	крайняя левая группа
беспартийных — 16	»		

Таким образом, не считая незначительного числа беспартийных, депутатов Думы можно разделить на 4 группы: крайняя левая, объединявшая трудовиков и социал-демократов, составляла 7 проц., левый (кадетский) центр — 23 проц., правый октябристский центр — 25,1 проц., правая группа, объединявшая черносотенцев, — 40 процентов.

Ленин говорил, что в третьей Думе имеется два возможных большинства. Одно большинство составляется из правых и октябристов: $171 + 113$ депутатов = 65,1 проц.; второе большинство — октябристы и кадеты: $101 + 113$ депутатов = 48,1 проц. Как первое, так и второе большинство составляется при участии октябристов. Оба большинства были контрреволюционными. Зачем понадобилось самодержавию два большинства в Думе? Октябристско-черносотенное большинство являлось в третьей Думе твердыней, обеспечивавшей правительству в аграрном вопросе проведение политики ограбления крестьянства в пользу помещиков; в рабочем законодательстве — безграничную эксплуатацию рабочих; в финансовой политике — перекладывание тяжести налогов на плечи трудящихся. Блок октябристов и черносотенцев был твердыней протекционизма и милитаризма. О представителях октябристско-черносотенного большинства Ленин говорил, что они являются мастодонтами и ихтиозаврами, так как зубры для них слишком почетное название. Это блок допотопных хищников крепостнической эпохи с хищниками эпохи первоначального накопления. Допотопный хищник — это помещик. Хищник эпохи первоначального накопления — это октябрист. Но правительство третьеиюньского блока не могло ограничиться, одним черносотенно-октябристским большинством. Внутри этого большинства имелись некоторые противоречия.

«Интересы капитализма, — пишет Ленин, — хотя бы и грубо хищнического, паразитического, не мирятся с безраздельным гос-

подством крепостнического землевладения. Обе родственные между собой социальных группы стремятся отхватить себе кусок пирога побольше и пожирнее, — и отсюда неизбежное расхождение их в вопросах местного самоуправления и центральной организации государственной власти»¹.

В результате этих противоречий октябристы вынуждены были искать союзников. Они находят союзников в кадетской партии. Сделка, торг с властью имущими — вот основа кадетской тактики.

«Сговориться; значит, можно, и вот новое, опять-таки контр-революционное большинство — октябристско-кадетское»².

Самодержавие проводило бонапартистскую политику — политику лавирования между классами, между помещиками и буржуазией в интересах сохранения и укрепления диктатуры крепостников. Когда самодержавию необходимо было провести закон в интересах буржуазии, правые депутаты выступали в качестве оппозиции. В этих случаях самодержавие могло опереться на кадетско-октябристское большинство.

Уже 13 ноября на одном из первых заседаний третьей Думы обсуждался адрес Николаю II. Первая и вторая Дума не принимали обращений к Николаю. Третья Дума решила, что нужно выразить свою признательность царю за третьеиюньскую «конституцию». По предложению октябристов был выработан адрес Николаю с выражением благодарности за дарование третьей Думы. Крайние правые предложили внести в адрес поправку, титулуя царя не просто императором, а самодержцем. Кадеты и октябристы выступили против такого титулования — какой же царь самодержец, если есть законодательное учреждение, ограничивающее самодержавие?! За этим, казалось бы, пустым спором стояли реальные интересы союзников по третьеиюньскому блоку. Октябристы и кадеты стремились занять в третьеиюньском блоке равное место с черносотенцами. Они требовали, чтобы с Думой серьезно считались. Если предполагать, что все осталось по-старому, тогда и Думы не нужно! Поэтому они так ревниво отнеслись к титулу «самодержец всероссийский». Предложение черносотенцев именовать царя самодержцем было провалено голосами кадетов и левых октябристов. Отвергнуто было и предложение кадетов вставить в адрес «благодарность за дарование конституции». Оно было провалено голосами октябристов и черносотенцев, не желающих и слушать слово «конституция». «Русский язык достаточно богат, чтобы обойтись без иностранных слов», — говорили октябристы.

Противоречия в Думе сказались также при обсуждении военных вопросов. Буржуазия очень ревниво относилась к вопросам укрепления армии. После поражения в русско-японской войне русская буржуазия не хотела второго поражения. Октябристы и кадеты требовали проведения в армии реформ, улучшения технического ее вооружения. Но это требование наталкивалось на routi-

¹ Ленин. Соч., т. XII, стр. 96.

² Там же, стр. 97.

ну и застойность, господствующие в высшем командном составе армии. На одном из заседаний Думы октябрист Гучков выступил с резкими заявлениями о состоянии армии. Он привел приказ командующего первой Манчжурской армией по русским войскам после окончания русско-японской войны. «Очевидно, ни школа, ни жизнь не способствовали подготовке в великой России в последние 40—50 лет сильных самостоятельных характеров, — говорилось в приказе. — Мы бедны выдающимися самостоятельностью, энергией и инициативой людьми. Люди с сильным характером, люди самостоятельные, к сожалению, во многих случаях в России не только не выдвигались вперед, а преследовались». Гучков вынужден был признать, что три года спустя после русско-японской войны положение в армии осталось прежним: «Ипопребнему останася тот противоестественный подбор, который заставлял все непригодное, все слабое и ничтожное всплывать наверх и отбрасывать в сторону все сильное, смелое». Под сильными и смелыми Гучков понимал, конечно, представителей буржуазии, которые пытались проникнуть в командный состав армии, но оттирались дворянской офицерской кастой.

В этом же своем выступлении Гучков заявил, что армия разваливается потому, что во главе ее стоят великие князья. Артиллерия, инженерные части, военноучебные заведения — все это находится в руках великих князей, которые, как члены императорской фамилии, ни перед кем не несут ответственности. Гучков предупреждал, что армии угрожает распад. Речь Гучкова была выслушана при шумных протестах черносотенных депутатов. Гучкова поддержали кадеты.

Так проявлялись в Думе противоречия внутри октябристско-черносотенного блока.

Царское правительство не могло решить вопросов экономической политики без ломки полукрепостнического строя. Эта ломка старого должна была прежде всего пойти по линии аграрной политики. Репрессии и наступление на идеологическом фронте — все это, естественно, не могло устранить неизбежности новой революции. Столыпин прекрасно понимал, что только ломка старых крепостнических отношений, ломка руками самих крепостников может укрепить самодержавие, разрешить острейшие противоречия и предотвратить новую революцию.

Аграрная политика Столыпина пошла по линии ликвидации общинного землевладения. Как известно, первый столыпинский указ о выходе из общины был принят 9 ноября 1906 года.

Дата эта не случайная. Осень 1906 г. — это момент наибольшего подъема крестьянского движения, момент подъема второй волны революции. Указ 9 ноября принимался в большой спешке, при свете пылающих помещичьих имений.

Каковы причины ликвидации общинного землевладения?

1905 г. разрушил легенду о патриархальности русского крестьянина. Революция показала невозможность «мира» помещика с

крестьянином. Рухнула иллюзия о возможности опереться на патриархальность русской деревни, на общину. Выход из общины разрешался крестьянину и раньше, по положению 1861 г. (статья 165). Последующее законодательство Александра III всячески ограничивает возможность выхода из общины, но в начале XX в. правительство снова возвращается к этой политике.

Активным поборником политики разрушения общины являлся Витте. В своих записках Витте пытался даже обвинить Столыпина в плагиате, заявляя, что председатель Совета министров украл у него эту идею разрушения общин и создания крепких кулацких хозяйств в деревне. Но авторство установить трудно — идея носилась в воздухе. В октябре 1905 г. Трепов в разговоре с Витте заявил: «Я сам помещик и буду весьма рад отдать даром половину моей земли, будучи убежден, что только при этом условии я сохраню за собой вторую половину». Испуганный помещик готов был пойти на уступки, чтобы сохранить основу своего господства. Это стремление сохранить экономическую основу самодержавия определяло политику в аграрном вопросе.

Еще будучи губернатором Саратовской губернии, Столыпин выступил с предложением издать закон о выходе крестьян из общины. В 1906 г., уже при Столыпине, создается специальная комиссия по разработке проекта закона о выходе из общины. Эта комиссия представила проект указа, который был утвержден 9 ноября 1906 года.

«Каждый домохозяин, владеющий наделной землей на общинном праве,—гласил первый пункт указа,—может во всякое время требовать укрепления за собою в личную собственность причитающейся ему части из означенной земли». Другими словами, каждый крестьянин имеет право на выделение той части земли, которой пользовался в общине, в свою личную собственность. Второй пункт указа гласил: «В обществах, в коих не было общих переделов в течение 24 лет, предшествующих заявлению отдельных домохозяев о желании перейти от общинного владения к личному, за каждым таким домохозяином закрепляются в личную собственность сверх усадебного участка все участки общинной земли, состоящие в его постоянном (не арендном) пользовании».

Так как в большинстве общин не было передела значительно больше, чем в течение 24 лет, то вся та часть крестьянства, которая была вытеснена из деревни и вынуждена была уходить в город на заработки, лишалась своей земли.

Выделение участков должно было проходить с согласия большинства «общества»; если такое согласие не давалось, дело переходило к земскому начальнику, решение которого было окончательным. Таким образом, кулаку предоставлялась возможность не только закрепить свой надел, но захватить и земли бедноты. Земля крестьянской бедноты отдавалась на разграбление деревенской буржуазии.

14 июня 1910 г. правительство издает новый закон, который является дальнейшим развитием указа 9 ноября. Первые 8 пунктов закона 1910 г. говорили об обязательном укреплении земли в собственность в тех общинах, в которых не было переделов в течение 24 лет.

Правительство в ответ на сопротивление крестьян столыпинской политике решило проводить выделение из общины в принудительном порядке. «Общества и имеющие надельные владения селения, в коих не было общих переделов со времени наделения землей, признаются перешедшими к наследственному (участковому или подворному) владению», — гласил закон 14 июня 1910 года.

В мае 1911 г. было издано положение о землеустройстве, которое дополняло указ 9 ноября и закон 14 июня. По этому положению землеустроительные комиссии должны были выделять отрубные участки, развешивать уголья, отделять подлежащие землеустройству участки от смежных владений.

Ленин называл политику Столыпина «аграрным бонапартизмом». Эта политика аграрного бонапартизма свидетельствовала о том, что самодержавие потеряло старую опору в деревне, опору на патриархального крестьянина. «Эта перемена, — писал Ленин, — не случайность, не колебание курса министерств, не измышление бюрократии. Нет, это глубочайший «сдвиг» в сторону аграрного бонапартизма, в сторону либеральной (в экономическом смысле слова, т.е. = буржуазной) политики в области крестьянских поземельных отношений. Бонапартизм есть лавирование монархии, потерявшей свою старую, патриархальную или феодальную, простую и сплошную, опору, — монархии, которая принуждена эквилибрировать, чтобы не упасть, — заигрывать, чтобы управлять, — подкупать, чтобы нравиться, — брататься с подонками общества, с прямыми ворами и жуликами, чтобы держаться не только на штыке»¹.

Столыпин выбрасывает лозунг — «обогащайтесь!». Он обращается к кулакам с призывом: «грабь общину, но поддержи меня!». Кулак этот лозунг принимает. Деревенская буржуазия начинает активный грабеж общины, грабеж земли деревенской бедноты. В насаждении кулачества как опоры самодержавия и заключался смысл аграрной политики Столыпина.

Ленин называл эту политику «последним клапаном», ибо необходимо было выпустить накопившиеся пары в организме страны, смягчить противоречия между крестьянами и помещиками. Правительство и пыталось смягчить эти противоречия при помощи аграрной реформы. «Открыт клапан и выпущен несколько пар — тем, что часть совершенно обнищавших крестьян «укрепили» свои наделы в личную собственность и продали их, превратившись из пролетариев с наделом в чистых пролетариев, — далее тем, что часть зажиточных крестьян, укрепив свои наделы и иногда устроившись на отру-

¹ Ленин. Соч., т. XII, стр. 377.

бах, поставили еще более прочное капиталистическое хозяйство, чем прежде»¹. Это был «последний клапан», ибо «...ничего иного нельзя еще придумать для сохранения земли и власти за Пуришкевичами, как ведение этими самими Пуришкевичами буржуазной политики»².

Столыпин просил 10—20 лет покоя для того, чтобы окончательно переделать Россию. «Сначала успокоение, а потом реформы», — такова была формула Столыпина. На самом деле это «успокоение» означало беспощадную расправу с рабочими и крестьянами, с революционными элементами для полного торжества реакции.

В исторической литературе можно найти утверждение, что столыпинская политика не могла победить в России. В действительности в России существовали объективные возможности утверждения прусского пути развития капитализма. Только борьба решала вопрос о том, удастся ли Столыпину окончательно разгромить общину, создать крепкую опору в деревне, обезземелить беднейшее крестьянство и предотвратить буржуазную революцию в России. Отрицать возможность победы столыпинской политики — это значило становиться на позиции отзовистов, ультиматистов, которые считали, что столыпинская политика не принесла ничего нового, не внесла никаких изменений в соотношение классовых сил; «...для успеха Столыпинской политики, — писал Ленин, — нужны долгие годы насильственного подавления и истребления массы крестьян, не желающих умирать с голоду и быть выселяемыми из своих деревень. В истории бывали примеры успеха подобной политики. Было бы пустой и глупой демократической фразеологией, если бы мы сказали, что в России успех такой политики «невозможен». Возможен! Но наше дело — ясно показать народу, какой ценой покупается такой успех, и всеми силами бороться за иной, более краткий и более быстрый путь капиталистического аграрного развития через крестьянскую революцию»³.

Также неверно утверждение, что столыпинская политика знаменует собой полное превращение крепостнической монархии в буржуазную монархию. На это утверждение опирались ликвидаторы, которые пытались доказать, что столыпинская Россия дает возможность перейти к мирной, легальной работе и ликвидировать подпольные организации.

Столыпинская политика была еще одним шагом по пути к буржуазной монархии, вторым шагом после реформ 60-х годов. Но Россия еще не превратилась в буржуазную монархию. Борьба двух путей капиталистического аграрного развития — прусского и американского — далеко еще не закончилась.

Столыпин выступил в Думе певцом нового, капиталистического хозяйствования. «Идея моя, — говорил Столыпин в своем выступлении в третьей Думе по поводу аграрного законодательства, —

¹ Ленин. Соч., т. XVI, стр. 89.

² Там же, стр. 90.

³ Ленин. Соч., т. XII, стр. 193.

всем ясна. В тех районах России, где личность крестьянина получила уже определенное развитие, там, где община ставит преграду для его самостоятельности, там необходимо дать ему свободу трудиться, богатеть, распоряжаться своей собственностью, надо дать ему власть над землею, надо избавить его от кабалы, исходящей от общинного строя.

Личный собственник сам властен распоряжаться своей землей, сам властен закрепить за собой свою землю, властен требовать отвода отдельных участков к одному, он может прикупать землю, он может заложить ее в Крестьянском банке, он может, наконец, продать весь запас, — это его воля. Все находится в его полном распоряжении. Он в полном смысле слова — кузнец своего счастья».

Так воспевал Столыпин свою политику. И крестьянин действительно был волен продавать землю — ковать свое «счастье», счастье безземельного, вышибленного из деревни, обреченного на голодную смерть изгоя.

Новая аграрная политика явилась в известной мере толчком для роста капиталистических отношений и укрепления деревенской буржуазии. Наиболее крупных успехов Столыпину удалось добиться в юго-западных районах страны, на Северном Кавказе, в Белоруссии.

Большую роль в деле экономического и политического укрепления кулачества сыграла кооперация. Кооперация, выросшая за годы столыпинской реакции, была не только экономической организацией кулачества, она способствовала также и росту политической организованности его. С 1906 г. по 1913 г. в России возникает около 8 100 крестьянских потребительских обществ. Их годового оборот достигает к 1914 г. 250 млн. руб. Растет также сельскохозяйственная производственная кооперация, объединявшая зажиточное и кулацкое крестьянство. До 1900 г. в России насчитывалось 380 сельскохозяйственных обществ. К 1914 г. количество сельскохозяйственных обществ вырастает до 5 700.

В результате столыпинской аграрной политики возросло несколько и производительное потребление в деревне. Если раньше промышленность рассчитывала главным образом на казенные заказы, то теперь появился новый потребитель — кулачество. Растет спрос на сельскохозяйственные машины. В 1906 г. в сельском хозяйстве было применено сельскохозяйственных машин на 39 млн. руб. В 1912 г. стоимость примененных в сельском хозяйстве машин достигала уже 119 млн. руб. Растет так называемое огнестойкое строительство. Кулаки переходят из старых русских изб в кирпичные дома, покрытые железом. Печать того времени отмечала недостаточность кирпичных заводов в России. Из-за границы ввозили черепицу, так как нехватало кровельного железа.

Один западноевропейский ученый, занимавшийся изучением экономики русского крестьянского хозяйства, писал о том, как изменился облик русской деревни. Появились каменные дома, кры-

тые железом, появился новый тип хозяина, заинтересованный в своем хозяйстве, с жадностью накапливающий средства. Этот «хозяин» занимается не только сельским хозяйством, но и ростовщицством, куплей и продажей. Крестьянин-кулак сочетает в себе торговца и предпринимателя.

Рост богатства на одном полюсе деревни сопровождался вытеснением бедноты, раскрестьяниванием, массовым уходом в города.

В 1897 г. в России было 12,8 проц. городского населения. В 1910 г. городское население увеличилось до 13,8 проц. Отдельные городские центры растут быстрее. Население Москвы в 1902 г. составляло 1 млн. 100 тыс., в 1907 г. оно увеличивается до 1 млн. 345 тыс., в 1912 г. — до 1 млн. 617 тыс. Население Петербурга выросло в 1912 г. до 2 млн. 35 тыс.

Рост капитализма в сельском хозяйстве нашел своих апологетов. Буржуазные и меньшевистские историки в своих писаниях изображали лишь одну сторону процесса — рост буржуазных отношений и совершенно отбрасывали вторую — мучительный процесс обнищания и вымирания крестьян.

Сильным рычагом проведения столыпинской политики был Крестьянский банк. Крестьянский банк почти в 10 раз увеличил свои операции по выдаче ссуд крестьянству, главным образом кулачеству. Через Крестьянский банк проходила и продажа помещичьих имений кулачеству. Из Крестьянского банка полилась золотая река в карманы помещиков. Правительство выдавало через Дворянский банк огромные ссуды помещикам и этим самым искусственно сокращало предложение на земельном рынке. Это давало возможность Крестьянскому банку непомерно вздуть цены на землю.

Крестьяне говорили о Крестьянском банке: «Банк тяжел для крестьян, он любит дворян». Деятельность Крестьянского банка усиливала расслоение крестьянства. Крестьянская беднота, получавшая ссуду в банке, попадала в тяжелую кабалу. Беспросветной была судьба хуторян из бедноты. «Они быются на хуторах, — писал Ленин, — как рыба об лед; они продают весь хлеб на то, чтобы собрать взнос в банк; они вечно в долгу; бедствуют отчаянно; живут как нищие; их прогоняют с хуторов за невзнос платы, и они превращаются окончательно в бездомных бродяг»¹. К 1914 г. недоимки с хуторской бедноты составляли 33,7 млн. рублей.

Каковы общие результаты проведения столыпинской аграрной политики? Число вышедших из общин с 1907 г. по 1912 г. — 1746 тысяч. Это были, по выражению Столыпина, «счастливые крестьяне», получившие землю в личную собственность, но из этого количества 612 тыс. продали землю. За 1913—1914 гг. продали свои наделы еще 400 тыс. домохозяев. Все эти крестьяне обезземелились, превратились в сельскохозяйственных пролетариев. Таков ре-

¹ Ленин. Соч., т. XVI, стр. 455.

зультат аграрной политики Столыпина. Таково крестьянское «счастье», выкованное Столыпиным.

Самодержавию пришлось столкнуться при проведении аграрной политики с яростным сопротивлением крестьянства. Вольно-экономическое общество провело среди крестьян анкету об указе 9 ноября. Из Пензенской губернии крестьяне писали: «У помещиков, конечно, одна цель — насадить больше собственников и тем умножить себе товарищей, чтобы в будущей борьбе сделать перевес против малоземельных крестьян». На сходах крестьяне заявляли, что «указом от 9 ноября мужиков пугают, чтобы они про барскую землю не говорили, а грызлись бы из-за своей земли».

Крестьяне быстро поняли, в чем сущность аграрной политики Столыпина. В Центрально-черноземной области, по данным Вольно-экономического общества, из 96 сельских сходов только 7 сходов высказывались за выход из общины. Понадобилось применять чрезвычайные меры: аресты, штрафы, действия войск, чтобы заставить крестьян выйти из общины. В «Уложение о наказаниях» была введена новая статья, которая предусматривала, что лица, виновные в противодействии указу 9 ноября, ссылаются на каторжные работы сроком от 4 до 6 лет.

Какой характер носила крестьянская борьба против столыпинской аграрной политики? Поверхностному наблюдателю или предвзятому политику казалось, что крестьяне выступали в защиту общины, ломку которой начал Столыпин. Меньшевики так и утверждали, что крестьянская борьба носила реакционный характер. В действительности же крестьяне защищали не общину. Выступая против указа 9 ноября, они выступали против прусского пути развития, против помещичьего способа ломки общины, за свой, крестьянский, революционный способ решения аграрного вопроса, за последовательное уничтожение помещичьего землевладения.

Самодержавие надеялось, что проведение новой аграрной политики приведет к падению крестьянского движения. Этого не случилось. В росте крестьянского движения также проявился крах столыпинской политики. С 1907 г. по 1914 г. насчитывается 20 435 случаев крестьянских выступлений. Наибольшее количество выступлений падает на 1910 — 1911 годы.

Одним из результатов столыпинской политики был голод 1911 года.

«Мы отметим пока, — писал Ленин в 1912 г., — что единственный вполне реальный результат столыпинской ломки есть голодовка 30 миллионов»¹.

В борьбе крестьянства мы видим те же две тенденции, два основных направления, или, как говорит Ленин, «две социальных войны», которые наметились еще в середине XIX в. Одна социальная война — это война всего крестьянства против помещиков; другая социальная война — это война внутри самого крестьянства. Чтобы выяснить соотношение этих социальных войн, достаточно

¹ Ленин. *Соч.*, т. XVI, стр. 14.

обратиться к одной из острых форм борьбы крестьян с помещиками. С 1907 г. по 1911 г. насчитывалось 3 280 случаев поджогов у помещиков, а поджогов у кулаков — 6 820. Крестьянская беднота обращает свой удар не только против помещиков, но и против столыпинских кулаков, — «новых помещиков». Полностью оправдывается предсказание Ленина, что столыпинская аграрная политика явилась огромным толчком для роста политической сознательности крестьянства, ее организованности, толчком к дальнейшему обострению борьбы против помещиков и внутри самой деревни.

В третьей Думе даже самые правые представители крестьянства выступали против аграрной политики Столыпина. Крестьянин Старчак начал свою речь с восхваления Николая. После выступления Николая, который говорил о священном праве собственности, Старчак заявил: «Дай бог государю здоровья. Он хорошо сказал для всего народа». Далее этот монархист заявляет: «А если сказал государь, чтобы была правда и порядок, то, конечно, если я сижу на трех десятинах, а рядом 30 000, то это не есть порядок и правда».

Крестьянин-монархист начал с прославления Николая, а кончил тем, что провозгласил принцип борьбы с помещиком. Он прямо заявил, что несправедливо, когда он сидит на трех десятинах, а помещик — на 30 тыс. десятин. Здесь ярко выступило отличие такого «монархиста» от кадета. Кадет, который называет себя демократом, проповедует осторожное проведение столыпинской политики. И рядом настоящий крестьянский демократ, который, несмотря на монархическую оболочку своих требований, является подлинным демократом, ибо он требует ликвидации помещичьего землевладения.

Другой крестьянский депутат напоминал Думе: «Вспомните, господа, время царствования Алексея Михайловича и возмущение крестьянского народа, которое вылилось в движении под руководством Разина. (На правых скамьях — волнения и крики). Вспомните, господа, 1905 год!».

«Я, — заявляет крестьянин Петров, — противник частной собственности на землю. Я вполне убежден, что вы вновь увидите глубины взбаламученного житейского моря и тогда сбудется евангельское предсказание: поднявший меч от меча и погибнет». Так в религиозной или монархической оболочке выступают подлинные революционные требования крестьянства в третьей Думе. Все это свидетельствовало о неудаче, провале столыпинской аграрной политики.

Столыпин пытался политикой переселения отдалить революционные элементы крестьянства от помещиков. «Дальше едешь, тише будешь», — так определяли сами крестьяне сущность этой политики. Отправить крестьянина подальше — в Сибирь или в Среднюю Азию — спокойнее будет в России. Эта переселенческая политика имела в виду ослабить противоречия между помещиком и крестьянином в Центральной России. Но имелись и другие за-

дачи. Переселение русских кулаков на окраины имело своей целью создание в колониальных районах надежной опоры для проведения великодержавной, шовинистической политики.

Однако и переселенческая политика потерпела крах:

Годы	Число переселенцев (в тыс.)	% обратных переселений
1905	39	10
1906	141	4
1907	427	6
1908	665	6
1909	619	13
1910	316	36
1911 ¹	183	40 ²

Наибольшее количество переселенцев приходится на 1907—1909 гг. Но уже в 1910 г. не только падает количество переселенцев, но невероятно возрастает количество «возвращенцев». Эти «возвращенцы» не были уже крестьянами. Обезземеленные, разорившиеся мужики вносили в деревню новый горючий материал. В 1911 г. количество «возвращенцев» доходит до 60 проц. Эти «...данные бесспорно показывают... что борьба с аграрным кризисом пятого года в России посредством переселений, — писал Ленин, — вызвала от с р о ч к у кризиса лишь на самое короткое время и притом ценою несравненно большего обострения и расширения арены кризиса...»³.

Провал столыпинской аграрной политики вызвал озлобление дворянской верхушки, дворцовой камарилы против всесильного министра. Столыпин постепенно теряет ореол, который создала ему реакционная печать. Столыпин явно не оправдал надежд крепостников.

1 сентября 1911 г. Столыпин был убит эсером, агентом охраны Богровым. В организации убийства Столыпина причудливо переплетались нити эсеровского терроризма, охраны и дворцовой камарилы, которая, очевидно, решила пожертвовать обманувшим надежды крепостников министром. «После исчезновения Столыпина, — рассказывает Гучков, — в придворных сферах раздался как бы вздох облегчения — отделались от назойливого и властного человека, который все-таки напоминал о данных обещаниях и угрожал грядущими бедами». Тот же Гучков заявляет, что Столыпин умер политически задолго до своей физической смерти. «Я еще до физической смерти Столыпина изверился в возможность мирной эволюции для России, — говорил Гучков. — По мере того, как он политически мало-помалу умирал, для меня становилось

¹ Данные за 11 месяцев.

² См. Ленин. Соч., т. XVI, стр. 373.

³ Ленин. Соч., т. XVI, стр. 374.

все яснее, что Россия ходом вещей будет вытолкнута на путь насильственного переворота».

Так крупнейший представитель столыпинской партии октябрист Гучков вынужден был признать крах столыпинской политики. Столыпину не удалось предотвратить «насильственный переворот». В этом и заключался крах его политики.

Рабочее движение в 1907—1911 годах

Отступление революции сказалось в резком упадке рабочего движения. Промышленная депрессия вызвала увеличение безработицы. Рабочие, которые имели счастье оставаться на заводах, ежеминутно ждали, что на них опустится Дамоклов меч безработицы. Никто не был уверен в завтрашнем дне.

Резкое падение стачечного движения особенно сказывается в 1908—1909 годах.

Число стачечников (в тысячах)

1906 г. —	1 108
1907 » —	740
1908 » —	176
1909 » —	64

Стачечное движение в годы реакции носит главным образом экономический характер. В 1908—1910 гг. рабочие не откликнулись на такие события, как годовщина 9 января 1905 г. и день 1 мая. В первомайской прокламации 1912 г., оглядывая путь, пройденный в годы реакции, большевики писали: «С поникшей головой встречали мы, рабочие России, наш первомайский праздник в последние четыре черных года, не было радостных песен борьбы, не было ликующего праздничного знамени, не было забастовок, митингов, демонстраций. Правительство душило. Фабриканты и заводчики отнимали все завоеванное в годы революции. В стране было всеобщее уныние». «Скованность общественной мысли, — писал товарищ Сталин, — общая усталость и апатия, нужда и отчаяние среди рабочих, забитость и запуганность крестьян при общем разгуле полицейско-помещичье-капиталистической своры — таковы характерные черты Столыпинского «успокоения»... Торжество кнута и темноты было полное. «Мерзость запустения» — так характеризовалась тогда политическая жизнь России»¹.

Столыпинская реакция обрушилась всей силой своего репрессивного аппарата на политические организации пролетариата. В стране свирепствовали военно-полевые суды. Лучших людей рабочего класса самодержавие бросило в тюрьмы и казематы. Было казнено несколько тысяч революционеров. Страна покрылась виселицами.

Работа в партийных организациях в условиях разгула реак-

¹ Сталин. «К десятилетию «Правды». «Правда» № 98 от 5 мая 1922 г.

ции и упадка рабочего движения была во много раз труднее, чем в период революции. Столыпинская охранка насаждала провокаторов в партийных организациях.

Резко уменьшилось число членов РСДРП. Многие мелкобуржуазные попутчики, которые вступили в партию в момент подъема революции, трусливо уходили из организаций, испугавшись преследований царского правительства.

В условиях поражения революции и разгула реакции партия должна была отступить с наименьшими потерями, сохранить свои кадры и боеспособность.

Новая обстановка требовала изменения тактики. В период реакции нельзя было применять тактику наступления и призывать массы к всеобщей стачке или вооруженному восстанию. Нужно было применять тактику обороны, тактику собирания сил, тактику отвода кадров в подполье, тактику сочетания нелегальной работы с работой в легальных организациях. Эти вопросы и разрешила V конференция партии.

Созыву V общепартийной конференции предшествовала большая подготовительная работа в партийных организациях России, что привело к сплочению партийных рядов для борьбы с ликвидаторством и отзовизмом.

Конференция открылась в Париже 3 января 1909 г. (21 декабря 1908 г.). Крупнейшие организации РСДРП прислали на конференцию делегатов-большевиков.

Подводя итоги этой конференции, Ленин сжато обрисовал содержание ее работы:

«Марксистский анализ современного взаимоотношения классов и новой политики царизма; — указание ближайшей цели борьбы, которую ставит себе по-прежнему наша партия; — оценка уроков революции в вопросе о правильности революционно-социал-демократической тактики; — выяснение причин партийного кризиса и указание на роль пролетарского элемента партии в борьбе с ним; — решение вопроса о соотношении нелегальной и легальной организации; — признание необходимости использовать думскую трибуну и выработка точных руководящих указаний для нашей думской фракции в связи с прямой критикой ее ошибок, — таково главное содержание решений конференции, дающих полный ответ на вопрос о выборе партией рабочего класса твердого пути в переживаемое тяжелое время»¹.

Отчеты ЦК и местных организаций показали, в каких тяжелых условиях работала партия в обстановке реакции. В этих условиях большевики, не покладая рук, вели борьбу за сохранение и укрепление подпольной, нелегальной партии. На конференции вскрылась предательская роль меньшевиков-ликвидаторов, сознательно разваливавших нелегальную партию.

¹ Ленин. Соч., т. XIV, стр. 27.

В Москве группа меньшевиков объединилась с буржуазными партиями октябристов и кадетов против нелегальной социал-демократической организации. В Петербурге меньшевики созывали рабочие собрания, на которых прямо призывали порвать с партийными организациями и создать некую культурническую «кооперативно-клубную» организацию.

Конференция признала необходимым повести «...самую решительную идейную и организационную борьбу с ликвидаторскими попытками...»¹.

Центральное место в работе конференции занимал доклад Ленина «Современное политическое положение и задачи партии». Текст доклада Ленина не сохранился, но, несомненно, что его статья «На дорогу»², посвященная итогам конференции, излагает основные положения этого доклада.

Конференция характеризовала третьеиюньский режим как союз царизма с черносотенными помещиками и верхами торгово-промышленной буржуазии. Указывая на международную обстановку, на промышленный кризис в Западной Европе и роль революционного движения на Востоке, конференция сделала вывод об обострении всех противоречий между пролетариатом и буржуазией. Что же касается России, то задачи буржуазно-демократической революции оставались нерешенными.

Конференция дала четкую ленинскую оценку столыпинской политике и соотношению классовых сил в стране, указала на ближайшие цели борьбы и на неизбежность нового революционного подъема.

Огромное значение имело решение конференции о думской социал-демократической фракции.

Конференция отметила ряд крупных ошибок думской фракции социал-демократов в третьей Думе. В программной декларации, с которой социал-демократическая фракция выступила в начале работы Думы, урезывались и затушевывались требования программы-минимум. Фракция голосовала за 6¹/₁₀-миллионный бюджет на нужды «народного образования», тогда как в действительности этот бюджет служил в руках черносотенного министерства Шварца орудием борьбы с просвещением. Часть думской фракции социал-демократии восхваляла якобы народный характер первой и второй Думы. Фракция, наконец, не давала должного освещения политики и тактики буржуазной оппозиции во главе с кадетской партией, не вскрывала империалистического характера этой оппозиции.

Вместе с тем конференция указала думской социал-демократической фракции на необходимость внесения в Думу ряда «...законопроектов, выдвигающих требования нашей программы-минимум, придавая этим законопроектам популярную форму, доступ-

¹ Ленин. Соч., т. XIV, стр. 444.

² См. Ленин. Соч., т. XIV.

ную широким слоям народа...»¹. Большевики решительно осудили ликвидаторское понимание соотношения партии и думской фракции РСДРП. Общероссийская конференция осудила попытку ликвидаторов превратить партию в придаток к думской фракции. Это решение показало коренное отличие большевиков — партии нового типа — от партий II Интернационала, для которых парламентская деятельность была центром всей работы, а это приводило к тому, что вся партия подчинялась ее парламентской фракции. «В истории западно-европейских социалистических партий, — писал Ленин, — бывали не раз примеры ненормальных отношений парламентских фракций к партии... Мы должны сразу поставить иначе дело создания социал-демократического парламентаризма в России...»².

Конференция, таким образом, дала анализ новой обстановки борьбы и определила новые задачи партии. Все это, разумеется, обусловило изменение организационных форм работы партии. Поэтому конференция уделила особое внимание организационному вопросу. При обсуждении организационного вопроса Ленин добился полной изоляции меньшевиков на конференции. Резолюция, принятая конференцией, являлась ударом по ликвидаторам и отзовистам. Конференция потребовала укрепить нелегальные организации и использовать полуполигальные и легальные организации как опорные пункты для агитационной, пропагандистской и организационной работы в массах.

Конференция учила членов партии связывать каждый частный вопрос с общими задачами пролетариата, превращать каждое организационное начинание в средство классового сплочения пролетариата. А этого, указывал Ленин, можно было достигнуть не своими знаниями и чинами, а идейным влиянием.

Конференция потребовала создания партийных ячеек во всех областях работы, ячеек, хотя и немногочисленных по своему составу, но сильных своими партийными традициями, своей принципиальностью и революционностью.

Летом 1910 г. появляются первые признаки перелома в рабочем движении. Растет число экономических стачек. Осенью 1910 г., впервые после трехлетнего перерыва, в Петербурге происходят уличные демонстрации. На фабриках и в университетах собираются сходки и митинги. «Первое же начало борьбы, — писал Ленин в 1910 г., — показало нам опять значение массового движения. Никакие преследования, никакие расправы не могут остановить движения, раз поднялись массы, раз начали шевелиться миллионы. Преследования только разжигают борьбу, вытягивают в нее новые и новые ряды борцов»³.

В 1911 г. количество стачечников возрастает по сравнению с 1910 г. более чем вдвое и доходит до 105 тыс. Стачки 1911 г.

¹ ВКП(б) в резолюциях и решениях, ч. I, стр. 128. Госполитиздат. 1940.

² Ленин. Соч., т. XIV, стр. 30.

³ Там же, стр. 393.

охватывают крупнейшие предприятия страны: Балтийский завод, Невский судостроительный, Вознесенскую мануфактуру и другие.

В январе 1912 г. в Праге была созвана VI конференция РСДРП. «На этой конференции были изгнаны из партии меньшевики, навсегда было покончено с формальным объединением большевиков в одной партии с меньшевиками. Из политической группы большевики оформляются в самостоятельную Российскую социал-демократическую рабочую партию (большевиков). Пражская конференция положила начало партии нового типа, партии ленинизма, большевистской партии»¹.

Промышленная депрессия

Пользуясь упадком рабочего движения, самодержавие урезывает фабричное законодательство, стараясь отнять у рабочего класса все, что было завоевано в годы революции. Когда в третью Думу был внесен законопроект о рабочем отдыхе, Дума отвергла этот закон. Даже министр финансов Коковцов, выступая в Думе, объяснял третьеиюньским зубрам: «Если большинство наших рабочих законов издавалось под влиянием забастовок, то отказываться от издания законов только потому, что стачек сейчас нет, это с точки зрения государственной неразумно». Министр финансов понимал, что страна переживает временный упадок рабочего движения, и фабрично-заводское законодательство, по его мнению, было необходимо для предотвращения дальнейшего подъема рабочего движения.

В декабре 1910 г. в Думу снова был внесен проект закона об отдыхе торгово-промышленных служащих. По этому проекту предусматривалось установление 12-часового рабочего дня для торгово-промышленных служащих. В неотложных случаях разрешалось установить 14-часовой рабочий день. Социал-демократическая фракция предложила свой проект закона: 8-часовой рабочий день; мусульманам, евреям, католикам предоставить выходные дни, соответствующие их религиозным праздникам. Проект был отвергнут. Октябрист Корякин, выступая в Думе, заявил: «40 лет тому назад не считались ни с каким временем, только требовали дела. Теперь говорят о какой-то борьбе хозяев и служащих. Хозяева и служащие—это своего рода семья, и никаких законов об отдыхе не нужно». Дума утвердила проект, внесенный правительством, «несколько изменив» его. Проект предлагал 12-часовой рабочий день, а закон, утвержденный Думой, устанавливал 15-часовой рабочий день.

В последнюю думскую сессию (1912) был принят закон о страховании рабочих. Кадеты расхваливали этот закон как образец фабричного законодательства. В действительности закон о государственном страховании охватывал только $\frac{1}{6}$ часть пролетариата России. Железнодорожные рабочие, строительные, торговые

¹ История ВКП(б). Краткий курс, стр. 139.

служащие, почтово-телеграфные работники не подлежали страхованию. Но и те рабочие, страхование которых предусматривалось законом, получали в случае увечья нищенское вознаграждение. Всякая самостоятельность страховых учреждений была ликвидирована. За страховыми организациями был установлен полицейский надзор. Таково было фабричное законодательство столыпинской реакции.

Промышленность России 1906—1909 гг. переживает тяжелую депрессию. О характере депрессии в русской промышленности можно судить по следующим данным:

Г о д ы	Добыча каменн. угля (в млн. пуд.)	Добыча нефти (в млн. пуд.)	Выплавка чугуна (в млн. пуд.)
1904	1197,1	656,4	181,4
1905	1139,7	455,9	166,8
1906	1326,5	491,3	166,0
1907	1587,3	523,7	172,1
1908	1581,4	528,6	172,4
1909	1587,6	564,3	170,8
1910	1522,0	588,4	185,0

Добыча нефти даже в 1910 г. не поднимается до уровня 1904 г. Выплавка чугуна в 1905—1909 гг. держится примерно на одном уровне и только в 1910 г. подымается несколько выше уровня 1904 г. Добыча каменного угля в 1907—1910 гг. держится также на одном уровне с некоторым даже снижением в 1910 году.

Все это свидетельствует о затянувшейся депрессии, принявшей в России особенно тяжелый характер. Причинами затяжной депрессии являлись прежде всего пережитки крепостничества и связанные с этим узость внутреннего рынка, низкая техника, неурожайность и голодовки. Затяжная депрессия была вызвана также сокращением казенных заказов.

В годы реакции возрастает роль иностранного капитала в промышленности России. В привлечении иностранных капиталов русская буржуазия видела лучшее средство для оживления хозяйственной жизни страны.

В 1909 г. собрался съезд представителей торговли и промышленности. На съезде обсуждался вопрос о необходимости привлечения иностранного капитала в промышленность России. Кадетская газета «Речь», подводя итоги работам съезда, писала: «Среди членов съезда не было разногласий относительно того, что привлечение иностранных капиталов не только желательно само по себе, но что вне такого привлечения не существует никакого выхода из тупика, куда завела нашу промышленность русская жизнь. Промышленный застой продолжается у нас без перерыва десять лет, и конца ему не предвидится».

Между тем роль иностранного капитала и без того была велика в русской промышленности. К концу 1912 г. иностранный

капитал контролировал 67 проц. металлургической промышленности, 70 проц. угольной, более 60 проц. нефтяной. Самодержавие продолжает получать займы во Франции и Англии. В 1906 г. был реализован государственный внешний заем в 2½ млрд. франков. В 1909 г. был сделан новый внешний заем на 1 400 млн. франков. Все это увеличило зависимость России, еще более приковало царизм к англо-французскому империализму, превратило Россию в данницу этих стран, в их полуколонию.

Каковы причины притока иностранного капитала в Россию в годы реакции? Промышленная депрессия на Западе способствовала накоплению в кредитных учреждениях огромного количества средств. Финансисты метались в поисках районов для вывоза капиталов. Промышленность России с высокой нормой прибыли, с возможностью безграничной эксплуатации рабочих привлекала иностранных капиталистов. При медленных оборотах тяжелой промышленности необходимы были длительные кредиты, золото. Эти средства русская промышленность находила на иностранном рынке.

В годы реакции растут монополистические организации: Пролетаризм (объединение металлургической промышленности), Продвигон, Продуголь и т. д. Эти монополистические организации объединяли 80 — 90 проц. всей промышленности в соответствующих отраслях.

Но, несмотря на рост концентрации, на рост монополистических объединений, Россия продолжала оставаться отсталой страной. Транспорт России, эта нервная система промышленности, стоял на значительно более низком уровне, чем транспорт Германии или Англии. Это видно из следующей таблицы:

	Европ. Россия	Велико- британия	Германия	Франция
1. Протяжение железнодорожной сети на 100 кв. км. территории (в км.)	1, 05	12	11, 3	9, 4
2. Число паровозов	16 930	22 840	27 042	12 840
3. Стоимость основных фондов (в млн. руб.)	5 925	12 473	8 280	7 078

Железнодорожная сеть России была в 12 раз меньше, чем в Германии и Англии. Хищническое ведение железнодорожного хозяйства приводило к тому, что больше 25 проц. паровозов были больными или совсем выбывали из строя.

Пережитки крепостничества тяжелым грузом лежали на промышленности. Стоимость фабрично-заводской продукции в 1908 г. составляла 4 307 млн. руб., в 1911 г. — 4 895 млн. рублей. Сравним эти данные с данными промышленного развития в Америке. В 1860 г. промышленная продукция Америки составляла 3 771 млн. руб., в 1870 — 8 464 млн. руб., а в 1910 г. — 41 344 млн. рублей. Средний заработок фабрично-заводского рабочего в Рос-

сии в 1911 г. составлял 251 рубль в год, в то время как еще в 1860 г. средний заработок промышленного рабочего в Америке равнялся 576 рублям.

«Россия XX века, Россия третьейунынской «конституции», — писал Ленин в 1913 году, — стоит ниже рабской Америки»¹.

Кадетская печать на своих страницах кричала о прогрессе, о бурном развитии России, о росте цивилизации. Много хвалебных статей было посвящено бюджету 1912—1913 гг. Кадетская печать с умилением отмечала, что по этому бюджету ассигновывалось большое количество денег на «народное образование». В 1907 г. на «народное образование» ассигновывалось 46 млн. рублей, а в 1913 г. — 137 млн. рублей. По этому поводу Ленин заметил: «Если нищему, имеющему три копейки, вы дадите пятак, увеличение его «имущества» сразу будет «громадное»: на целых 167%!»².

Это была смета на нужды народного затемнения. На каждого жителя Российской империи приходилось 87 коп. в год.

По данным министерства внутренних дел, на 1000 жителей в 1904 г. приходилось 44,3 учащихся (в учебных заведениях всех видов), а в 1908 г. — 46,7 учащихся. Четыре пятых всех детей и подростков в России были лишены народного образования.

«Такой дикой страны, — писал Ленин, — в которой бы массы народа настолько были ограблены в смысле образования, света и знания, — такой страны в Европе не осталось ни одной, кроме России. И эта одичалость народных масс, в особенности крестьян, не случайна, а неизбежна при гнете помещиков, захвативших десятки и десятки миллионов десятин земли, захвативших и государственную власть как в Думе, так и в Гос. Совете...»³.

Национальная политика самодержавия в 1907—1912 годах

Реакционный характер политики самодержавия в 1907—1912 гг. особенно сказался в национальном вопросе. Великодержавный шовинизм, как знамя национальной политики самодержавия, не был новостью в России. Но никогда за все предшествующие десятилетия принципы зоологического национализма не принимали таких уродливых форм, как в годы столыпинской реакции. Шовинистическая политика Столыпина была существенной частью его реакционных мероприятий. Эта политика приняла в годы реакции форму войны с многочисленными нациями Российской империи. В стране господствовало состояние плохо прикрытой гражданской войны, правительство не правило, а воевало.

Принципы зоологического национализма открыто провозглашались в выступлениях черносотенных зубров. Редактор «Нового

¹ Ленин. Соч., т. XVI, стр. 342.

² Там же, стр. 409.

³ Там же, стр. 410.

времени», авантюрист Меньшиков, писал: «Возрождающийся национализм по своему характеру зоологичен, но именно таким и должен быть реальный национализм России». Марков 2-й, которого справедливо сравнивали с гоголевским Ноздревым, заявил в третьей Думе: «Все нерусские народы пусть преклонятся перед знаменем русской государственности, в противном случае они должны быть стерты с лица земли».

Главной задачей столыпинской национальной политики был разгром революционного, освободительного движения. Наряду с этим националистическая политика самодержавия преследовала ясную и четкую цель — подготовку плацдарма для будущей империалистической войны. Столыпин был реальным политиком, он понимал неизбежность этой войны. Лидер реакции добивался создания «национального единства» во главе с русскими помещиками. «Единства» Столыпин добивался, подавляя живые, жизненные силы народов России, т. е. подавляя революционное и национально-освободительное движение народов империи. Но эта политика национализма привела к ослаблению Российской империи.

На западных окраинах — на Украине, в Белоруссии, в Польше — Столыпин поставил перед собой задачу политического и экономического укрепления русских помещиков. Наступление на эти окраины началось под предлогом изменения состава Государственного совета. С 1906 г. Государственный совет был превращен во вторую палату. Государственный совет получил право отменять законы, принятые Государственной Думой. Совет состоял из 100 членов по назначению и 100 выбранных представителей от помещиков, земских собраний, комитетов торгово-промышленных организаций, университетов и т. д. В западных губерниях, где земских учреждений не было, представители в Государственный совет выбирались от помещиков. Так как в этих губерниях большинство помещиков было из поляков, то естественно, что в Государственный совет попадали крупные польские помещики.

Под флагом необходимости изменения национального состава Государственного совета Столыпин готовит закон о введении земских учреждений в западных губерниях. В действительности этот закон имел своей главной задачей: 1) создать аппарат самодержавия в западных губерниях для борьбы с национально-освободительным движением; 2) укрепить политическое и экономическое положение русских помещиков в западных губерниях.

По проекту Столыпина земства должны были быть введены в девяти губерниях: Витебской, Волынской, Киевской, Минской, Могилевской, Подольской, Виленской, Гродненской и Ковенской. Столыпин использовал для своего проекта земское положение 1890 г., внося в него некоторые изменения. При выборах в земства устанавливались две национальные курии: польская и русская. Каждая курия выделяла гласных в земские собрания. К русским в этом случае причислялись украинские и белорусские крестьяне.

Евреи совершенно лишались избирательных прав. В западных губерниях русские помещики принадлежали главным образом к средним и мелким землевладельцам. Чтобы обеспечить руководящую роль в земстве русским помещикам, Столыпин понизил для них имущественный ценз. Один гласный должен был приходиться на 4 000 десятин помещичьей земли и на 15 000 десятин крестьянской земли. Число гласных от поляков не должно было превышать 30 проц. всех гласных. Председателем земской управы мог быть только русский.

Но закон о введении земских учреждений в западных губерниях был направлен не столько против польских помещиков, сколько против украинских, польских и белорусских крестьян.

Понижение ценза для западных губерний рассматривалось крупными помещиками-крепостниками как повод для понижения ценза и в центре России. Крепостники возражали против этого, стремясь сохранить руководящую роль за крупными помещиками. Так как в Виленской, Ковенской и Гродненской губерниях не было русских помещиков, то черносотенное большинство третьей Думы вычеркнуло из проекта Столыпина эти губернии во имя торжества «русских государственных начал». В 1910 г. решением Государственной Думы шесть западных губерний получили земские учреждения. Однако Государственный совет не утвердил этого закона. Реакционеры в Государственном совете боялись даже обезвреженного и урезанного земского самоуправления. Правые в Государственном совете выступали также против создания национальных курий, не желая разрывать союз с польскими помещиками. В марте 1911 г. Столыпин распускает на три дня Государственный совет и Государственную Думу и по 87 статье основных законов проводит внедумским порядком закон о введении земских учреждений в шести западных губерниях.

Это вызвало «парламентский кризис». Кадеты и октябристы выразили в Думе недоверие Столыпину. Председатель Думы октябрист Гучков подал в отставку. Новым председателем был избран правый октябрист Родзянко. Кадеты и октябристы кричали в своей печати о неправильном применении 87 статьи, о нарушении Столыпиным «конституции». В действительности, в оболочке так называемого «конституционного» кризиса проявились более значительные события — крах столыпинских планов переустройства России.

«Значение нашего пресловутого «парламентского» кризиса, — писал Ленин, — состоит... в том, что он вскрыл глубокие противоречия всего общественного и политического уклада России»¹. Старый уклад был сдвинут с места сначала революцией, затем аграрной политикой Столыпина. Но преобразовать этот старый уклад и окончательно закрепить прусский путь развития капитализма ни Столыпину, ни октябристам и кадетам не удалось.

¹ Ленин. Соч., т. XV, стр. 184.

«Кто и как будет осуществлять это неотстранимое, исторически неизбежное новое, — вопрос открытый»¹, — писал Ленин.

В 1909 г. в третью Думу был внесен законопроект о выделении из царства Польского Холмской губернии. Холмщина расположена на левом берегу Западного Буга. Население Холмщины по преимуществу украинское. В XVI в. на Холмщине была создана униатская церковь — своеобразное соединение православной и католической церкви. При помощи униатской религии польские паны пытались уничтожить украинскую культуру и язык. Однако им не удалось сделать это. С большим успехом с этой задачей справляется самодержавие. Правительство всячески преследует униатскую церковь, запрещает униатские обряды.

Все это усиливает польское влияние среди униатов. То, что не удалось сделать польским помещикам, было сделано, при помощи насилия, самодержавием.

Сущность холмского вопроса по существу сводилась к борьбе двух групп помещиков — польских и русских — за преимущества в угнетении украинских крестьян.

Фракция социал-демократов в Думе, большевики в своей печати разоблачали сущность этой политики Столыпина и польских помещиков. Большевики напоминали о том, что имеется еще третий заинтересованный в этой борьбе — украинское население, о котором забывают как русские, так и польские помещики.

В 1909 г. проект о выделении Холмской губернии был передан в думскую комиссию. Два с половиной года продолжалась работа думской комиссии.

Проект о выделении Холмщины встретил в Думе возражения. «Польское коло» выступало, с точки зрения польских националистов, против отделения Холмщины. Кадеты выступали против этого проекта, не желая обострять отношений с польскими помещиками. Столыпин решил бросить польским помещикам подачку. В 1911 г., накануне обсуждения законопроекта о Холмщине, в Думу был внесен закон о введении в Польше городского самоуправления. Закон этот предоставлял известные льготы для польских помещиков и буржуазии. По этому закону ограничивались права непольских и нерусских национальностей в городских самоуправлениях.

Ленин в статье, посвященной этому вопросу, раскрывает разговор русских и польских помещиков, пытающихся договориться против нерусских и непольских национальностей. «Русские помещики, — писал Ленин, — стоящие у кормила власти, давно уже, с 1907 года, вели переговоры об этом с польской высшею знатью. Сговаривались об условиях хотя бы некоторого сотрудничества или просто сравнительно мирного сожительства черносотенцев русских с черносотенцами польскими...»².

¹ Ленин. Соч., т. XV, стр. 163.

² Ленин. Соч., т. XVII, стр. 258.

Когда подачка польским помещикам была брошена, можно было переходить в наступление.

В 1911 г. обсуждение проекта о введении городского самоуправления в польских губерниях внезапно было прервано, и в Думе был поставлен на обсуждение закон о выделении Холмской губернии. Неожиданно против проекта выступили черносотенцы, которые считали неправильным упоминание в законе слов «царство Польское».

Только при третьем чтении закона, заменив слова «выделение из царства Польского» словами: «выделение из Варшавского генерал-губернаторства», удалось провести проект. В апреле 1912 г. закон был принят Думой.

Холмщина объявлялась «чисто русской» областью. Русским помещикам на Холмщине давался ряд льгот — они освобождались от налогов, от государственных повинностей. Это должно было создать самодержавию опору на Холмщине в лице русского землевладения. Русский помещик с неменьшим рвением, чем польский, взялся за уничтожение украинской культуры, за руссификацию украинского населения.

На юго-восточных окраинах империи правительство в годы реакции наталкивается на сильное сопротивление угнетенных национальностей. В Закавказье в 1907 — 1908 гг. происходят арьергардные революционные бои. В эти годы проводится ряд забастовок на нефтяных промыслах в Баку, бастуют моряки Каспийского флота. Эти забастовки живо напоминают самодержавию о неразгромленных силах революции. В политике самодержавия в Закавказье сталкиваются два метода борьбы с национальным движением. Наместник Кавказа Воронцов-Дашков опирался в Закавказье на верные самодержавию кадры из национальной буржуазии и дворянства. Для этого, естественно, нужно было несколько потеснить русских чиновников в Закавказье.

Опираясь на армянские, грузинские и азербайджанские реакционные организации, Воронцов-Дашков разжигал национальную вражду в Закавказье. Воронцов-Дашков считал, что только в условиях непрекращающейся национальной борьбы и кровавой резни между армянами и тюрками, армянами и грузинами самодержавие может более или менее прочно держаться в Закавказье. Столыпин был недоволен политикой Воронцова-Дашкова. Он требовал прямых действий, прямого подавления национального движения и отказа от блока с националистическими партиями.

Так столкнулись два метода подавления национального движения. Воронцов-Дашков оказался более дальновидным политиком, чем Столыпин. Он считал неизбежным столкновение с Турцией. Воронцов-Дашков сумел укрепить положение самодержавия на Кавказе и использовать в своей политике контрреволюционные кадры партии Дашнакцутюн.

Революция 1905 г. вызвала к жизни мощное национальное движение среди мусульманских народов. Правительство Николая II

понимало, какую опасность для самодержавия представляет движение миллионных масс мусульманских народов. Столыпин провозглашает принцип уничтожения панисламизма. Под панисламизмом Столыпин понимал всякое движение, направленное к освобождению мусульманского населения от гнета царизма.

В 1910 г. Столыпин созывает «Особое совещание по выработке мер для противодействия татарско-мусульманскому влиянию». Это совещание особое внимание уделяет Приволжью. Приволжье было центром национального движения мусульманских народов. Здесь сходятся пути в Закавказье и Среднюю Азию; здесь в 1905 г. были созданы центральные организации мусульманских националистов. Столыпин четко представлял себе, какой опасностью является национально-освободительное движение мусульманских народов для самодержавия. «В критические дни (т. е. в дни грядущей революции. — Е. Г.) инородцы мятежного Закавказья, — писал Столыпин, — внешне спокойного Приволжья и беспокойного Туркестана окажутся в лагере революции».

Столыпин поставил перед органами власти на окраинах «простую» задачу — слияние мусульманских народов с православием. Но для Столыпина православие было не просто словом. При Казанской духовной академии было открыто специальное отделение, в котором готовили миссионеров для несения православия в мусульманские народы. Правительство организовало широкую сеть курсов для подготовки миссионеров, знающих восточные языки.

Реакция душила всякое проявление революционного движения на Востоке, а призрак революции неожиданно вырастал на северо-западных окраинах.

Революция 1905 г. заставила самодержавие разжать пальцы на горле финского народа. С тем большей решимостью и яростью набрасывается царизм на Финляндию в годы реакции. Столыпин старается уничтожить последние следы завоеваний революции 1905 г. В 1907 г. генерал-губернатором Финляндии назначается генерал Бекман, прибалтийский немец, известный как палач революции в Прибалтике. Но даже этот «кровавый пес», как его называли рабочие Прибалтики, показался Столыпину недостаточно решительным и энергичным. Он был смещен, и на его место назначен черносотенец, погромщик генерал Зейн. Немец из Прибалтики, Зейн был известен как активный член «Союза русского народа» и организатор еврейских погромов.

В марте 1910 г. Столыпин вносит в Думу проект постановления о порядке издания законов, касающихся Финляндии. 17 пунктов этого проекта предусматривали изъятие из ведения сейма всех вопросов, относящихся к таможенному делу, к железнодорожному делу, к вопросам уголовного кодекса, к аграрной политике, к денежной системе, к правилам публикации, печати и, наконец, к созыву собраний общественных организаций. Все эти законы должны были проходить не через финляндский сейм, а через

Государственную Думу и Государственный совет. Третья Дума 27 марта 1910 г. принимает этот законопроект Столыпина.

Всю эту политику Столыпина полностью поддерживала финская буржуазия. Она выдавала столыпинской охранке революционных общественных деятелей. Даже непрерывные удары Столыпина по интересам финской буржуазии не остановили ее предательства. Она видела своего главного врага в финских рабочих, в финском революционном движении. Такие виднейшие руководители финской буржуазии, как сенатор Мехелин, социал-демократ Таннер, Свинхувуд, верно служили царизму. Они спорили с черносотенцами только по одному вопросу: черносотенцы утверждали, что Финляндия — это часть России, а финские буржуазные деятели заявляли, что Финляндия — это самостоятельная монархия во главе с Николаем II.

Финская буржуазия всячески старалась услужить самодержавию. В ответ на речь Столыпина о крамоле в Финляндии Мехелин заявил: «По своей инициативе финляндская полиция открыла в пограничной деревне Хаапала лабораторию для бомб. Финляндский суд осудил 11 человек революционеров. Финляндская полиция обнаружила тайную типографию в Выборге, она конфисковала русские революционные издания и в течение 1907 г. распустила 8 различных собраний русских революционных организаций». Так перечисляла финская буржуазия свои заслуги в борьбе с революцией.

Только русский пролетариат выступал на защиту финского демократического движения.

«Придет время, — писал Ленин, — за свободу Финляндии, за демократическую республику в России поднимется российский пролетариат»¹.

Националистическая политика Столыпина проявилась с особой силой в антисемитизме.

Вдохновителем антисемитизма был министр юстиции Щегловитов — «мозг реакции», как его называли сами реакционеры. Руководитель департамента полиции Лопухин утверждал, что организаторами еврейских погромов были непосредственно Щегловитов и Столыпин. Без Щегловитова и Столыпина, которые опирались на черносотенные организации, никакой погром не был возможен. Заместитель начальника департамента полиции Рачковский устраивал типографии, где печатались прокламации с призывом к погрому.

Результатом этой деятельности охранки явились знаменитые погромы в Белостоке и Полоцке, где было уничтожено почти все еврейское население. Даже уголовники, заключенные в полоцкой тюрьме, протестовали против погромщиков. «Видя из окон тюрьмы погром, мы возмущались тем, что сами сидим за мелкую кражу, а тут громили с разрешения полиции производят дневной разбой. Мы передали начальству жалобу на такую несправедливость», —

¹ Ленин. Соч., т. XIV, стр. 274.

писали уголовники. Правительство не только организовывало погромы, но не стеснялось открыто выражать благодарность погромщикам. В тех немногих случаях, когда погромщики привлекались к судебной ответственности, суд находил возможность оправдать палачей. А когда в 1907 г. было осуждено 467 погромщиков, то по царскому слову и эти бандиты были помилованы. Антисемитизм провозглашался государственной необходимостью. «Я утверждаю, как и утверждал раньше, — заявил черносотенец Марков 2-й в третьей Думе, — что угнетение отдельных национальностей, в данном случае иудеев, нисколько не противоречит идеалам государственности».

В 1909—1911 гг. правительство проводило массовое выселение евреев-ремесленников из Москвы, Киева и других городов. Тысячи семейств изгонялись с насиженных мест. Правительство даже отменило льготы, предоставленные в 1905 г. евреям-солдатам, участникам защиты Порт-Артура.

В феврале 1911 г. собрался съезд совета объединенного дворянства. Совет объединенного дворянства являлся как бы третьей палатой России. Он негласно руководил и Государственной Думой и Государственным советом. Совет объединенного дворянства принял две резолюции по еврейскому вопросу. Первое решение гласило, что нужно всех евреев загнать в черту оседлости. Во втором решении было требование начать подготовку к полному изгнанию евреев из России. Антисемитская политика вызвала волну возмущения в буржуазной печати Западной Европы и Америки, и правительству пришлось временно приостановить массовое выселение.

При поступлении евреев в высшие и средние учебные заведения не соблюдалась даже процентная норма, введенная еще при Александре III. Единственной возможностью для евреев получить высшее образование была сдача экзаменов экстерном. Однако в 1911 г. правительство распространило процентную норму и на экстернат.

В польских губерниях правительство Столыпина проводило политику натравливания поляков на евреев. Был проведен закон о процентной норме в городских самоуправлениях.

Кульминационным пункта националистическая политика самодержавия достигает в деле Бейлиса. 20 марта 1911 г. в Киеве был найден труп мальчика Андрея Ющинского. На следующий день по городу были распространены анонимные письма, в которых утверждалось, что организаторами убийства Андрея Ющинского являются евреи и что убийство совершено якобы с ритуальной целью. Ющинский дружил с сыном содержательницы притона в Киеве Веры Чеберяк. Мальчики наблюдали преступления, которые совершались в воровском притоне Чеберяк. Однажды Ющинский во время спора с товарищем пригрозил донести полиции о притоне. Это дошло до Чеберяк, и она со своими сообщниками убила Ющинского. Киевские черносотенцы немедленно распространили слух, что убийство Ющинского совершено с ритуальной целью.

Правительство приняло активное участие в этой грязной кампании. Был найден и «убийца» — еврей, приказчик Бейлис. Так как сын и дочь Веры Чеберяк были очень опасными свидетелями убийства Ющинского, то мать идет на следующее преступление: она убивает собственных детей.

Два года шло следствие. Использовались все возможные средства, чтобы доказать виновность Бейлиса. Никогда еще антисемитская агитация не достигала такой разнузданности. Газета Союза русского народа — «Русское знамя» — требовала, чтобы истребление евреев поощрялось законом.

Для инсценировки процесса Бейлиса тщательно подбирались материалы. Из Италии были выписаны книги времен инквизиции, в которых доказывалось, что евреи совершают ритуальные убийства. На процессе выступали черносотенные зубры — Шамаков, Замысловский и др.

Процесс Бейлиса приобрел международное значение. За ним внимательно следила вся западноевропейская пресса. Лучшие доктора юстиции вели на суде диспут со взломщиками и убийцами. Видные общественные деятели в России и Западной Европе возглавили движение против «кровавого навета».

Процесс Бейлиса оказался для самодержавия полицейской Цусимой. Суд присяжных (в 1913 г.) вынужден был оправдать Бейлиса. Впоследствии вокруг процесса Бейлиса была создана либеральная легенда о единстве всех политических групп в борьбе против национальной политики Столыпина. Ссылались на то, что защитниками по делу Бейлиса выступили кадеты, что либералы выражали недовольство столыпинской национальной политикой. Но в чем сущность этого «недовольства»? Либералы критиковали царское правительство за неудачно организованный процесс Бейлиса. Они считали, что процесс Бейлиса ослабляет позиции самодержавия, подрывает авторитет и кредитоспособность царской России в Западной Европе.

Владимир Ильич разоблачил эту позицию либералов в своей статье о Столыпине: «Высокоморальное негодование, с которым говорят о погромах наши либералы, не может не производить на всякого революционера впечатления чего-то до нельзя жалкого и трусливого, — особенно, когда это высокоморальное осуждение погромов соединяется с полным допущением мысли о переговорах и соглашениях с погромщиками»¹.

Ленин вскрывает сущность национальной политики Столыпина. Проведение национальной политики под знаменем дикого шовинизма, зоологического антисемитизма, открытой войны с национальностями не было случайностью. Это была закономерная для самодержавия форма национальной политики. «Монархия не могла не защищаться от революции, а полуазиатская, крепостническая, русская монархия Романовых не могла защищаться иными, как

¹ Ленин. Соч., т. XV, стр. 223.

самыми грязными, отвратительными, подло-жестокими средствами: не высокоморальные осуждения, а всестороннее и беззаветное содействие революции, организация революции для свержения такой монархии есть единственно достойный, единственно разумный для всякого социалиста и для всякого демократа прием борьбы с погромами»¹.

Больше всего столыпинская реакция боялась соединения национального движения с рабочим движением.

Товарищ Сталин в своей работе «Марксизм и национальный вопрос» особенно подчеркивает эту сторону столыпинской национальной политики. В условиях подъема национального движения, вызванного революцией 1905 г., правительство пыталось разогнать народ по «национальным квартирам» с таким расчетом, чтобы каждый рассчитывал на себя и не считался со своим соседом.

Но национализм Столыпина, который проводился правительством сверху, вызывал, в свою очередь, волну национализма снизу. Возникают националистические контрреволюционные организации в Польше, организации панисламизма среди мусульман, еврейские сионистские организации кадетского типа на Украине, организации националистов в Грузии, Армении, Средней Азии.

Столыпинская националистическая политика была питательной почвой для роста этих организаций.

Чем активнее проявлялась столыпинская великодержавная политика, тем пышнее распускался национализм на окраинах.

С главной своей задачей — предотвращением новой революции, подготовкой страны к войне, созданием плацдарма для агрессивной политики в Польше, Финляндии и Средней Азии — столыпинская национальная политика не справилась. Политика, рассчитанная на подавление национально-освободительного движения, привела к ослаблению Российской империи, к росту центробежных сил.

Политика Столыпина ослабила международное положение России. Национально-освободительное движение накануне империалистической войны и в самом ходе войны значительно ослабило военную мощь царской России.

Внешняя политика царизма

Внешняя политика эпохи реакции проводилась в своеобразных условиях, создавшихся в результате поражения царской России в русско-японской войне и ослабления самодержавия после революции 1905 г. Эти условия не позволили Столыпину с прежней настойчивостью проводить планы внешней политики, разработанные еще в 90-х годах.

Воинственный пыл русского царизма был несколько умерен. Требования территориальных расширений подчинялись основной задаче царизма — разгрому революции.

¹ Ленин. Соч., т. XV, стр. 223.

Это не значило, что русская буржуазия и самодержавие отказались от империалистической политики. Наоборот, именно в эту эпоху идеологи империалистической буржуазии и помещиков выступают со своими программными требованиями дальнейших территориальных захватов.

В кадетском сборнике «Вехи» были провозглашены эти принципы империалистической политики русской буржуазии. Реакция, однако, понимала, что во внешней политике надо проявлять сдержанность и умеренность.

Даже редактор черносотенного «Нового времени» — Меньшиков в своей газете призывал к умеренности. Меньшиков говорил, что эта сдержанность и осторожность во внешней политике может быть истолкована как потеря престижа России, и тут же делал вывод: «Бог с ним, с престижем. Что дал нам этот престиж? Журналисты грезят, как бы втравить Россию в европейскую войну, дабы отвлечь армию от подавления смуты. Мы не готовы к войне и не хотим воевать».

Эти «миролюбивые» заявления довольно откровенно вскрывали подлинную причину умеренности внешней политики периода реакции. Внешняя политика была целиком подчинена задаче подавления революции. Между тем международная обстановка была чревата военными столкновениями.

В конце XIX — начале XX в. воинствующий германский империализм все более активно требует коренного передела мира. Претензии германских империалистов, их жадные притязания на колониальные владения вызвали тревогу в ряде крупных европейских государств и в первую очередь в Англии. На первый план в международных отношениях начала XX в. выступают англо-германские противоречия. Англо-русский антагонизм, имевший столь большое значение во второй половине XIX в., постепенно смягчается.

Еще в XIX в. мы видим постоянные столкновения интересов Англии и России. В своей политике на Кавказе, в Средней Азии, в продвижении к Персидскому заливу Россия все время наталкивалась на сопротивление Англии. В Крымской войне Россия столкнулась с Англией; в русско-турецкой войне помехой была опять та же Англия. В русско-японской войне Россия ощущала за спиной Японии английское влияние.

После поражения в русско-японской войне напряженность англо-русских отношений ослабевает. Англия не была заинтересована в чрезмерном усилении Японии и поэтому вместе с Америкой всячески умеряла аппетиты империалистической Японии.

Это было одной из причин улучшения англо-русских отношений. Но наиболее важной причиной была боязнь агрессии Германии. Англия искала союзников против этого опасного врага. Во всем капиталистическом мире шла усиленная подготовка к империалистической войне. Заканчивалась окончательная размежевка сил, формирование блоков.

Багдадская железная дорога, часть которой была уже по-

строена в начале XX в., обеспечивала Германии кратчайший путь к центру Персии, Персидскому заливу, а следовательно, к границам Индии. Это чрезвычайно тревожило английский империализм.

Германский империализм укреплял свои позиции в Персии. В Тегеране были открыты отделения немецких банков; появились «археологические экспедиции», которые были посланы германским генеральным штабом.

Все это говорило об усиливающемся влиянии и агрессии Германии на Ближнем Востоке. Германия в свою очередь ищет союзников против Англии. В июле 1905 г. была сделана попытка со стороны Германии включить Россию в антианглийский блок. 10 июля 1905 г. состоялось свидание двух императоров — Вильгельма II и Николая II — в Бьёрке (северная часть Финляндского залива). Во время этого свидания Вильгельму удалось подсунуть Николаю договор о военном союзе между Германией и Россией. Главный смысл соглашения сводился к следующему: между Россией и Германией заключался договор о вооруженной помощи в случае нападения третьих стран на одного из союзников. Специальной статьей предусматривалось, что Россия должна привлечь к этому союзу Францию. Со стороны России подписали договор Николай и адмирал Бирелев, которому Николай II показал белое место, где нужно поставить подпись. Адмирал расписался, не читая договора.

Министр иностранных дел Ламздорф не знал о существовании договора, но, узнав, пришел в ужас. Договор с Германией лишал Россию возможности получать займы от Франции, разрушал русско-французский союз и обострял отношения между Россией и Англией.

Существует много предположений, почему Николай решил на такой самостоятельный шаг во внешней политике. Некоторые объясняют это обилием выпитого вместе с Вильгельмом вина. Другие говорят, что здесь действовали родственные традиции. Вильгельм и сам рассказывает, что он напомнил Николаю II о дружбе Николая I и Фридриха III, которые-де смотрели на них с небес во время подписания договора в Бьёрке.

Если Николай II решился на такой самостоятельный шаг, то это объясняется прежде всего планами германофильской группировки в дворцовых кругах.

Однако столь легко достигнутое соглашение в Бьёрке вдруг оказалось бумажкой. Как только Ламздорф и Витте узнали о документе, подписанном в Бьёрке, они категорически потребовали от Николая II отказа от договора. За этим требованием стояли интересы русской буржуазии, крепко связанной с Антантой. В письме к Витте Ламздорф писал, что «бедный августейший монарх попал впросак, надо его вытаскивать». Николай II вынужден был последовать совету своих министров.

Когда Вильгельм получил письмо Николая с указанием, что договор считается не состоявшимся, так как Франция вряд ли со-

гласится присоединиться к нему, кайзер пытался действовать старым способом: бог-де свидетель, что мы заключили этот договор, что подписано, то подписано. Но было уже поздно.

В это время между Россией и Англией происходили активные переговоры о заключении союза и включении России в образовавшуюся Антанту. Антанта ведет свое начало от англо-французского соглашения 1904 г., авторами которого являлись английский король Эдуард VII и французский министр иностранных дел Делькассе. По этому соглашению Франция признавала английское господство в Египте и получала мандат на Марокко. Англия отказывалась от всяких претензий на Марокко. Это было уступкой со стороны Англии. Уступка была продиктована стремлением изолировать Германию. «Готовятся к войне с Германией», — так определил смысл англо-французского соглашения Ленин («Тетради по империализму», стр. 621). Но Англия на этом не успокоилась, ей нужно было втянуть в Антанту и Россию. После русско-японской войны военная мощь России ослабела. Однако Англия знала, что Россия умеет быстро оправляться от наносимых ей ударов. Россия могла оказаться полезным союзником в антигерманском блоке.

Между тем продолжалось дальнейшее сближение России и Франции. В 1906 г. состоялась встреча начальников французского и русского генеральных штабов. В этом же году министра иностранных дел Ламздорфа сменил Извольский. Новый министр был сторонником англо-русского соглашения.

Улучшению англо-русских отношений способствовало также и обострение русско-германских противоречий. Усиление германского влияния в Турции, австрийское продвижение на Балканах — все это обостряло русско-германские отношения.

Наконец, зависимость России от англо-французского капитала являлась важнейшей предпосылкой включения России в Антанту.

Переговоры между Англией и Россией закончились англо-русским соглашением в 1907 г. Соглашение 1907 г. — важнейшая веха в международных отношениях XX в. Этим соглашением Россия фактически включалась в Антанту. По соглашению 1907 г. был проведен раздел сфер влияния в Персии: северную часть Персии, наиболее богатую, получила Россия; южную часть, менее развитую в промышленном отношении, но с нефтяными источниками, получила Англия. Средняя зона оставалась нейтральной. Договор предусматривал отказ России от всякого вмешательства в дела Афганистана, как политические, так и экономические. Царское правительство признавало Афганистан вне влияния русской политики, обязывалось не посылать туда своих агентов и «пользоваться для всех своих политических сношений с Афганистаном посредничеством британского правительства». И Россия, и Англия обязывались не вмешиваться во внутренние дела Тибета.

Чем объясняется уступчивость Англии? Почему Англия уступила России наиболее богатую часть Персии? Во-первых, Англии необходимо было заручиться поддержкой России против Герма-

нии. Во-вторых, Англия, уступив России северную часть Персии, предоставила самодержавию «почетную» обязанность подавления революции в Персии. Наконец, третья не менее важная причина уступчивости Англии — это боязнь русской революции. Англия шла на союз с царской Россией, английский империализм щедро финансировал самодержавие, помогая Столыпину в его кровавом деле подавления революции. Английский империализм выступал в качестве жандарма, душителя русской революции.

Соглашение было подписано со стороны России министром иностранных дел Извольским. Этим соглашением Извольский добился известного успеха. Правда, в англо-русском соглашении нет ни слова о проливах. Верно также и то, что отказ от претензий на Афганистан означал для России самоограничение в ее дальнейших планах территориальных захватов в Азии. Но англо-русское соглашение укрепило внутреннее положение самодержавия и дало возможность России активизировать свою политику на Балканах.

«Путаница», которая создавалась на Балканах после Берлинского конгресса, приводила к постоянным столкновениям и кровавым конфликтам среди балканских народов. Германия пыталась использовать национальную борьбу на Балканах, чтобы включить полуостров в сферу своего влияния. Эта политика Германии ударяла как по интересам Англии, которая рассматривала Ближний Восток как путь из Европы в Индию, так и по интересам России как черноморской державы. Россия не могла также отказаться от своей роли великой славянской державы. Однако в своей внешней политике царизм, провоцируемый немцами и австрийцами, часто допускал антиславянские выступления. Панславизм не мешал Извольскому заключить в 1908 г. тайное устное соглашение с министром иностранных дел Австро-Венгрии Эренталем, направленное против славян Боснии и Герцеговины. Австро-Венгрия по этому соглашению объявляла об окончательной аннексии Боснии и Герцеговины (австрийские войска в этих районах были еще со времени Берлинского конгресса). Австро-Венгрия обязалась не мешать России получить право на свободный проход русского флота через проливы.

Когда в Турции вспыхнула революция, Австрия поспешила осуществить свою программу. В октябре 1908 г. Австрия объявила о присоединении Боснии и Герцеговины. Извольский после этого попросил у Эренталя подтверждения пункта договора о проливах. Эренталь заявил, что ничего не знает и не помнит. Извольский бросился в Лондон и в Париж за поддержкой. Друзья России встретили Извольского холодно. Соглашение с Австро-Венгрией было заключено за спиной Англии и Франции. Извольский чувствовал себя обманутым, он грозил выступить против Австрии. Извольский пытался при помощи Англии и Франции созвать конференцию участников Берлинского трактата для принятия решения об аннексии Боснии и Герцеговины. Но Австрия отказалась от участия в такой конференции. В России официальная

и буржуазная печать подняла кампанию против Австрии. Кадетская пресса заявляла, что Извольский обманут, что Австро-Венгрия поступила вероломно по отношению к России. Однако под давлением Германии царское правительство вынуждено было признать аннексию Боснии и Герцеговины. Эта «победа» германской дипломатии привела к еще большему обострению русско-германских отношений. Но вся эта шумиха должна была скрыть более важные события. Этими важными событиями была подготовка европейскими державами интервенции против революции в Персии и Турции. Главной задачей и России и Австрии было подавление иранской и турецкой революций.

Как только в Персии стало известно о заключении англо-русского договора 1907 г., персидский меджлис выступил с протестом против политики России и Англии. Меджлис оценил англо-русское соглашение как покушение на самостоятельность Персии. Но царская Россия имела свои средства, чтобы справиться с меджлисом. 22 июня 1908 г. полковник Ляхов, который командовал русскими войсками в Персии, начинает «дипломатический разговор» с персидским меджлисом. Артиллерия Ляхова обстреливает меджлис. Начинается расправа с персидской революцией. «Доблестный» полковник Ляхов, победитель безоружного населения, назначается тегеранским генерал-губернатором.

В предательски гнусной роли выступает в этих событиях Англия. Заклучая соглашение с Россией, Англия предоставляла царизму роль жандарма в Персии. По англо-русскому соглашению шло в виду, что царизм будет наводить порядок в северной части Персии. Порядок должен был быть наведен истинно николаевским методом.

В статье «Горячий материал в мировой политике» Ленин, разоблачая английскую политику борьбы с революцией в Персии, писал: «Либеральные английские буржуа, раздраженные ростом рабочего движения у себя дома, испуганные подъемом революционной борьбы в Индии, все чаще, все откровеннее, все резче показывают, какими зверями становятся самые «цивилизованные», прошедшие самую высшую школу конституционализма, европейские политические «деятели», когда дело доходит до пробуждения борьбы масс против капитала, против капиталистической колониальной системы, т.-е. системы порабощения, грабежа и насилия»¹.

Революционеры в Иранском Азербайджане героически защищали персидскую революцию от войск полковника Ляхова. В течение двух месяцев они обороняли Тавриз. Огромную помощь оказали азербайджанским и иранским революционерам закавказские большевики. Г. К. Орджоникидзе был направлен в 1909 г. Бакинским комитетом в Иран для руководства революционным движением. Орджоникидзе создает в городах Реште и Энзели со-

¹ Ленин. Соч., т. XII, стр. 304.

циал-демократические организации и вооруженные отряды для борьбы с контрреволюцией. Царское консульство в г. Реште пыталось арестовать Серго, но Орджоникидзе был предупрежден и бежал в Тегеран. В Тегеране Орджоникидзе удалось сформировать еще два революционных отряда. Под руководством Орджоникидзе в Персию были переброшены группы большевиков Закавказья с оружием и боеприпасами. С огромной опасностью для жизни переходили большевики границу. Сотни большевиков Закавказья принимали участие в борьбе вместе с иранскими революционерами. Но борьба была неравной. Военные силы царизма и английское золото задушили в 1911 г. персидскую революцию. Подавление персидской революции было первым подвигом Антанты.

В 1910 г. в результате скандального провала на Балканах вместо Извольского министром иностранных дел был назначен Сазонов. О Сазонове говорили, что он производит впечатление человека неустойчивого, впечатлительного, нервного, который быстро меняет свои убеждения. В исторической литературе была создана легенда, что Сазонов был противоположностью Извольского и вел линию на разрыв англо-франко-русского союза. В действительности же Сазонов продолжал политику Извольского. Однако он проводил эту политику гораздо осторожнее.

В камарилье, окружавшей Николая II, была группа, которая тянулась к союзу с кайзеровской Германией (министр двора Фредерикс, министр земледелия Кривошеин, военный министр Сухоминов). Эта группа считала, что спасение России от революции может быть найдено только в союзе с кайзеровской Германией, что Россия может осуществить свои захватнические планы, разбив предварительно Англию.

Один из идеологов германофильской политики, крупный помещик, бывший министр внутренних дел Дурново в обстоятельной докладной записке на имя Николая II доказывал необходимость русского союза с Германией.

Если Германия будет побеждена, рассуждал он, и Россия окажется победителем вместе с Англией и Францией, то все равно неизбежно поражение России, потому что в Германии вспыхнет революция, которая перекинется в Россию. Если же Германия окажется победителем, то Англия и Франция предадут Россию и заключат за ее счет мир с Германией. Выгоднее всего — союз с Германией. Только этот союз может предотвратить революцию как в Германии, так и в России.

Такова была позиция этих германофильских кругов, которые представляли группу реакционных крепостников-помещиков.

Изоляция Германии усилилась вместе с ростом Антанты. Но были моменты, когда между Россией и Германией намечалось сближение. В 1910 г. казалось, что соглашение между Россией и Германией очень близко. Германский канцлер Бетман-Гольвег 10 декабря 1910 г. сделал заявление в рейхстаге, что ни Россия, ни

Германия отныне не будет принимать участия в комбинации, враждебной одному из этих двух государств. Это заявление германского канцлера встретило резкое осуждение и тревогу в странах Антанты. Сазонов поспешил сообщить, что это заявление Бетмана ни на чем не основано. Однако это заявление имело под собой некоторую реальную почву. Германия и Россия вели в это время переговоры. В августе 1911 г. Германия подписала соглашение с Россией, по которому Германия отказывалась от всяких экономических концессий в Северной Персии. В то же время Россия обязывалась не препятствовать постройке сооружений Багдадской железной дороги.

Соглашение это было выгодным для Германии. Однако главной своей целью германская дипломатия и германофильские круги при дворе не добились — оторвать Россию от Антанты им не удалось. В это время при активном участии Антанты и германского блока на Балканах готовится кровавое побоище. Столкновения на Балканах были прелюдией к мировой войне.

КРАТКАЯ ХРОНОЛОГИЯ

- 1906 г. 9 ноября — Царский указ о выделении крестьян из общины.
- 1907 г. 3 июня — Разгон II Государственной Думы и опубликование нового избирательного закона.
- 1907—1912 гг. — III Государственная Дума.
- 1907 г. — Англо-русское соглашение.
- 1910 г. 14 июня — Закон о ликвидации крестьянской поземельной общины.
- 1911 г. май — Положение о землеустройстве.
- 1912 г. — Пражская VI конференция РСДРП.
-

О Г Л А В Л Е Н И Е

Столыпинская реакция

Стр.

Третьеиюньский переворот	3
Наступление контрреволюции на идеологическом фронте	9
Аграрный бонапартизм	15
Рабочее движение в 1907—1911 годах	27
Промышленная депрессия	31
Национальная политика самодержавия в 1907—1912 годах	34
Внешняя политика царизма	43
Краткая хронология	51

Отв. редактор **И. И. Розин**

A09227

Зак. 800

Тираж 27.000

Типография Высшей Партийной Школы при ЦК ВКП(б).
Москва, ул. Фридриха Энгельса, 46.

Сканирование - Беспалов, Николаева
DjVu-кодирование - Беспалов

150 1417 288

ВЫСШАЯ ПАРТИЙНАЯ ШКОЛА при ЦК ВКП(б)

Е. Н. ГОРОДЕЦКИЙ

64-65

XV

ИСТОРИЯ СССР

(1907 — 1912 гг.)

Лекции, прочитанные
в Высшей Партийной Школе
при ЦК ВКП(б)

МОСКВА

1946